

ЮЛИЯ ГЕТТА

A man in a blue suit and a woman in a black sequined dress are shown in a dramatic pose. The man is on the left, looking down at his hands, which are clasped together. The woman is on the right, looking directly at the camera with a slight smile. The background is a dark, moody interior with blue and orange lighting.

ОХОТА
НА ЖЕНУ

Юлия Гетта
Охота на жену

«Юлия Гетта»

2024

Гетта Ю.

Охота на жену / Ю. Гетта — «Юлия Гетта», 2024

– Я могу перевести тебе эту сумму прямо сейчас, – лениво отвечает Сергей, указав взглядом на свой навороченный смартфон. – Но что я получу взамен? Сглатываю и отвожу взгляд. Чего-то подобного мне стоило от него ожидать. – Я ведь сказала, что всё тебе верну, – произношу твёрдо. – Сразу же, как только продам квартиру. – Неинтересно. – Верну с процентами! – Зачем мне твои копейки? – усмехается он. Сжимаю кулаки под столом. Чёрт, мне нужны эти деньги... – Говори прямо, чего ты хочешь? – Тебя. В рабство. На один месяц. И мы договорились. Попав в сложную ситуацию, я вынуждена обратиться за помощью к человеку, которого безумно любила в юности. Но он меня предал. За годы разлуки стал еще более жестоким и бездушным подонком. А я так и не смогла задавить в себе чувства к нему. От автора: предысторию за 7 лет до текущих событий читайте в романе «Охота на мышку»

Содержание

1. Вселенная не внимает моим просьбам	5
2. Зачем, ну зачем я его увидела?	8
3. Можно расслабиться на несколько лет	11
4. Как поживаешь?	14
5. До сих пор ненавидишь?	16
6. Ну какой же из него воришка?	19
7. Хочется любви	22
8. Пообещай, что не выдашь меня	25
9. Ух ты, какая киса!	27
10. Не сошла ли я с ума?	30
11. Проституткам столько не платят	32
12. Поздно	35
13. В нашей жизни ничего не бывает просто так	38
14. Предвкушение	40
15. Может, сбежать?	42
16. Если господин прикажет	45
17. Какая же я дура	48
18. А массаж?	50
19. Есть ли предел у боли?	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юлия Гетта

Охота на жену

1. Вселенная не внимает моим просьбам

Я не верю своим глазам. Это он. Это действительно он. Боже... Все внутренности словно кипятком ошпаривает. Становится жарко, душно, невозможно дышать.

Сколько раз я представляла себе нашу встречу. И молила бога о том, чтобы она никогда не случилась. Да и сама делала всё возможное, чтобы её избежать. Семь лет мне удавалось ни разу не пересечься с ним. А сегодня... Сегодня это всё-таки произошло.

Отец ловит мой взгляд. Оборачивается, чтобы проследить за его направлением. Определив объект моего внимания, вновь смотрит на меня, озадаченно хмурясь. Кажется, отец его не узнал.

Ещё бы. Я и сама, наверное, не узнала бы. Если бы до сих пор так четко не помнила каждую черту лица. Пронзительный, цепкий взгляд. То, как он двигается. Я бы узнала его даже со спины...

Но это я. Столько лет сходявшая по нему с ума дура. А любому другому человеку его на самом деле, наверное, было бы сложно узнать. Он сильно изменился с нашей последней встречи.

Безукоризненный светло-серый костюм, судя по всему, дорогой. Идеальная стрижка, по последней моде. Щеки и подбородок покрывает небрежная щетина, которая ему очень идёт. Делает его таким очень взрослым и солидным. Да и вообще, он сильно возмужал. Стал намного шире в плечах и будто даже ростом выше. Давно не мальчик – мужчина. На вид успешный и состоятельный. Гопником его уж точно больше не назовёшь...

Я тоже повзрослела с нашей последней встречи. Но, в отличие от Сергея, меня это совсем не красит. Моя кожа стала тусклой, волосы поредели, и даже сегодня я не потрудилась нанести макияж, несмотря на все уговоры Арины – моей сводной сестры. И отказалась от предложенного ею нарядного платья, надела своё, простое и скромное, в котором хожу на работу.

И сейчас мне стыдно за свой внешний вид.

Удивительно. Мне абсолютно безразлично мнение окружающих. Всех, без исключения. Такой уж я человек. Так я думала. Но стоило встретить свою первую любовь, и оказалось, что до его мнения мне дело всё-таки есть. И ещё какое.

Если бы я только могла предположить, что увижу его, то предпочла бы выглядеть на все сто.

Просто не ожидала, что это может произойти в такой день и в таком месте. Сегодня юбилей у папы. И мы всей семьей собрались в хорошем ресторане, чтобы как следует отметить.

У нас теперь довольно большая семья. И за столом довольно многолюдно. Все веселые, счастливые, нарядные, одна я – как серая тень.

Но меня мой внешний вид вполне устраивал до тех пор, пока не увидела его.

Прячусь за сестрой, осторожно выглядывая из-за её плеча. Тело сотрясает мелкая дрожь, сердце гулко стучит.

Господи, только бы он не заметил меня! Только бы не узнал. Пусть пройдёт мимо. Пусть не задержится здесь надолго...

Но сегодня Вселенная не внимает моим просьбам.

Вместо того чтобы пройти мимо, Сергей в компании ещё двух подошедших к нему мужчин почему-то направляется напрямиком к нашему столу.

Мне становится совсем плохо. Пальцы дрожат. Трусливо отворачиваюсь, всё ещё надеясь, что он меня не заметит. Или не узнает. Ведь от той эффектной красотки, какой я была в юности, мало что осталось. Теперь я синий чулок.

– Петр Эдуардович, здравствуй, дорогой! – восклицает незнакомый мужской голос. – Ты где пропал? Давно тебя у нас не видно было!

Украдкой бросаю взгляд на подошедших и вижу, как отец поднимается из-за стола, чтобы пожать руку приятному седовласому мужчине. Выходит, это какой-то его старый знакомый. Но что рядом с ним делает мой бывший...

– Здравствуй, Павел, рад тебя видеть! – дружелюбно отзывается отец, похлопывая седовласого по плечу. – Обижаешь, я всегда значительные события только в твоём ресторане отмечаю. Давно просто повода не было, а сегодня у меня юбилей.

– Да ты что? Поздравляю от души! – радостно восклицает Павел. – И сколько же тебе стукнуло?

– Пятьдесят уже. Сам не верю.

– Вот это дата! Так, значит, с меня бутылочка коллекционного коньяка тебе в подарок. И сегодняшний ужин за мой счет!

– Да ты что, Павел? Нет, так не пойдёт, – как обычно, скромничает папа. – От коньяка, пожалуй, не откажусь, но счёт за ужин оплачу сам.

– Пётр Эдуардович, ну позволь сделать тебе такой подарок, пока я ещё хозяин здесь, – добродушно настаивает на своём мужчина. – Ведь уже с завтрашнего дня – всё! Ухожу на заслуженный отдых, так сказать. И вот, хотел тебя познакомить с новым владельцем ресторана – Сергей Денисович Сычёв, молодой талантливый бизнесмен. А это Роман, его помощник. Сергей Денисович, а это постоянный гость нашего ресторана, мой старый друг и просто очень хороший человек, Петр Эдуардович Мышкин. И его семья.

Вот как, значит. Новый владелец ресторана. Молодой талантливый бизнесмен. А ведь и правда, очень многое изменилось с нашей последней встречи. Хотя, учитывая его таланты... неудивителен такой успех.

Делать вид, будто меня совершенно не интересует происходящее, уже становится неестественным и со стороны, наверное, выглядит странно. Учитывая, что все остальные за нашим столом с любопытством пялятся на подошедшую тройцу.

Заставляю себя поднять глаза и тут же напарываюсь на пронзительный взгляд Сергея. Он смотрит прямо на меня. От этого перехватывает дыхание.

В голове сумбурно проносятся картинки из нашего общего прошлого. Первая встреча. Первый поцелуй. Первая ночь. Кажется, словно всё это было лишь сном. Но как же больно тянет в груди от воспоминаний.

Не верится, что этот представительный молодой мужчина в костюме когда-то клялся мне в любви. Обещал сделать всё для меня. А потом предал.

Впрочем, взгляд у него всё тот же. Хищный. Самоуверенный. Вальяжный. Заставляющий невольно подобраться, ожидая нападения в любой момент.

– А мы знакомы, – произносит Сергей, наконец переключив внимание с меня на моего отца. – Да, Пётр Эдуардович? Вы ведь меня узнали?

У меня мурашки идут по телу от хриловатых вибраций его глубокого низкого голоса.

Не отдавая себе отчета, жадно вглядываюсь в его лицо, но по нему невозможно прочесть никаких эмоций. Сергей спокоен и невозмутим, будто ему абсолютно безразлично происходящее. Будто он просто встретил старых знакомых и решил переброситься парой фраз, чтобы соблюсти правила приличия.

А может, так и есть? Он ведь и раньше был бессердечным. Да и не любил меня на самом деле никогда... Только голову морочил...

Наверное, он считает, что за столько лет я позабыла все обиды. А может быть, ему просто всё равно.

Две верхних пуговицы его рубашки небрежно расстегнуты. А на шее сбоку над воротничком виднеется фрагмент массивной татуировки. Не могу разглядеть с этого ракурса, что за рисунок. Но раньше его там не было.

Да, похоже, от того Серёжи, которого я знала, не осталось и следа. А может, я и не знала его вовсе.

Папа меняется в лице. Сначала высоко вскидывает брови. Потом хмурится. Похоже, он только сейчас понял, кто стоит перед ним.

– Да, узнал, – медленно и недовольно произносит отец. – Надо же. Сергей Денисович, значит?

– Для вас просто Сергей, – равнодушно отвечает он. И потом вдруг снова переводит взгляд на меня: – Здравствуй, Таня.

– Привет, – произношу я непослушными губами. Они словно онемели, стали какими-то деревянными.

И кажется, в этот момент в его взгляд наконец проскальзывают эмоции. Едва уловимые. А может, мне просто очень хочется увидеть их там.

Боль. Тоска. Сожаление? Или хотя бы малюсенький укол совести. Хоть что-нибудь. Ведь должен же он что-то чувствовать? Ведь должен понимать, что использовал меня и разбил мне сердце вдребезги!

Но то, что мне померещилось, исчезает из его взгляда так же неуловимо и быстро, как появилось там. Наверное, мне всё же просто показалось.

Глупая. Это я любила его, как безумная. Сгорала в огне, изводила себя, не могла смириться все эти годы. А он, скорее всего, ни разу не вспоминал обо мне.

2. Зачем, ну зачем я его увидела?

– Таня, Таня! Поиграем в «крокодила»? – набрасываются на меня племянники, как только мы возвращаемся из ресторана в отцовский дом.

– Нет, котята, сегодня я не в настроении, – грустно улыбаюсь я, трепля за волосы попадающие под руку светлые детские головушки. – Да и поздно уже. Вам пора чистить зубки и ложиться спать.

– Ну пожалуйста, ну один разочек, Тань! – жалобно ноет Лизонька.

Но сегодня даже ей меня не уломать.

– Нет-нет-нет, я слишком устала...

– Так, ну-ка брысь, отстали все от Тани, – вступается за меня Аришка, моя сводная сестра. – Сегодня уже никаких игр, все спать!

Она ловко прогоняет малышню наверх, в их комнаты.

– А взрослые могут немного позволить себе ещё посидеть на кухне... – понизив голос, заговорщицким тоном произносит Анна, так, чтобы дети её не услышали. – Давайте, девочки, уложим детвору, да откроем ещё одну бутылочку вина за главу нашего семейства.

– Вы откройте, посидите, а я всё-таки спать пойду, – отвечаю я, мягко дотронувшись до руки Анны. – Голова что-то разболелась.

– Может, таблетку, Танечка? – обеспокоенно спрашивает жена отца.

Я отрицательно качаю головой.

– Не нужно. Посплю, и всё пройдет.

Не дожидаясь, пока папа загонит машину в гараж и зайдёт в дом, я поднимаюсь в свою спальню. Точнее, не в свою, а в гостевую. Но я всегда ночую в ней, когда остаюсь в городе у родителей.

У родителей... До сих пор не привыкну к этому слову. Как-то неловко мне, учитывая, что я уже слишком взрослая, чтобы даже считать Анну своей мачехой. Для меня она просто жена отца. Но Арина, её дочь, не страдает подобными заморочками, несмотря на то, что мы с ней почти ровесницы. Это как раз от неё ко мне и привязалась такая формулировка: «наши родители».

Отец женился на Анне шесть лет назад, и вскоре после свадьбы они родили нам с Ариной сестрёнку Лизоньку. Папа продал нашу квартиру и купил большой дом в одном из престижных районов города. А я закончила университет и съехала от них. Нашла себе работу в пригороде, где мне предложили повышенную зарплату и льготы на аренду жилья.

Несмотря на то, что Анна с Ариной прекрасно ко мне относятся, и я безумно люблю своих племянников и маленькую сестру, мне было невыносимо жить с ними всеми под одной крышей. Да дело даже и не в них. Мне в принципе хотелось сбежать. Куда-то, где я могла бы начать новую жизнь. Освободиться от опеки отца. Вычеркнуть раз и навсегда прошлое.

И в какой-то мере у меня это получилось.

Плотно закрыв за собой дверь гостевой спальни, достаю из шкафа старую фланелевую пижаму, которая хранится здесь на случай таких вот моих ночевок. Переодеваюсь и, забив на вечернюю гигиену, забираюсь в постель.

В доме тепло, но меня почему-то знобит, и я плотнее кутаюсь в одеяло, чтобы согреться.

Из-за стенки доносится озорной детский смех и строгий голос Арины, пытающейся уложить непосед в кровати. А на меня всё сильнее накатывает тоска. И вот уже слезинка катится по щеке.

На сердце кошки скребут. Стоит только прикрыть веки, и перед глазами – он. И его голос на повторе звучит в голове: «Здравствуй, Таня»...

Зачем, ну зачем я его увидела?!

Голоса в доме постепенно смолкают. Я ворочаюсь в постели, чувствуя себя разбитой, и очень хочу уснуть. Но никак не получается... Душу разбередили воспоминания. И дурацкая тахикардия сотрясает тело в невидимом треморе.

Тихий стук в дверь заставляет меня испытать острый приступ раздражения – ну кого там ещё принесло? Не хочу сейчас никого видеть!

Но когда отец меня спрашивал, чего я хочу...

Так и не дождавшись приглашения, он входит в комнату и без спроса садится на край моей постели.

– Спишь, Танюш? – Проводит рукой по спине.

Мне хочется ответить грубо, но ведь у него сегодня день рождения. Юбилей. Нельзя в такой день грубить.

И, сжав зубы, я выдавливаю из себя добродушный тон:

– Почти, пап. Что ты хотел?

– Ты всё ещё любишь его, да?

Господи...

Зажмуриваюсь изо всех сил, пытаюсь прогнать тупую боль в груди.

Какого черта? К чему сейчас эти разговоры?!

– Нет, – глухо произношу я, смахивая очередную слезинку.

– Я видел, как ты сегодня на него смотрела, – мрачно произносит отец.

– Пап. Что ты хочешь от меня, а? – не выдержав, резко разворачиваюсь я к нему.

Он смотрит на меня, виновато ссутулившись, и выглядит из-за этого постаревшим сразу лет на десять. Не могу видеть его таким. Сердце сжимается от жалости.

– Ты ведь так и не простила меня за то, что я вас тогда разлучил, – тихо заключает он.

– Папа, – тяжело вздыхаю я, – мы ведь уже столько раз это с тобой обсуждали... У тебя были сомнения. И ты поступил так, как поступил бы любой любящий отец на твоём месте. Он мог отказаться. Но взял эти деньги. Значит, ты оказался прав на его счёт. Я тебя ни в чём не виню.

– Но выходит, я всё-таки ошибся на его счёт, – угрюмо признаёт отец. – Я думал, он по стопам своего отца пойдёт и рано или поздно окажется за решёткой. А он видишь чего добился. Новый владелец ресторана, бизнесмен...

– Да какая теперь уже разница, пап? – напряженно интересуюсь я. – Это не отменяет того, что он меня продал!

– Так это же я его подтолкнул. Он тогда мальчишкой был, из неблагополучной семьи, рос на улице. Денег таких, поди, отродясь не видел. Могу представить, какой это был для него соблазн... Да я ведь понимал, что творю, Тань.

– Пап, я тебя не понимаю. – Я перемещаюсь в сидячее положение, упираясь руками в постель. – Зачем ты мне всё это сейчас говоришь? Подтолкнул или нет, что сделано, то сделано. Давай уже закроем эту тему и не будем больше к ней возвращаться? Я спать хочу.

– Да я просто не знаю, как исправить теперь то, что я натворил, Таня. Как вытащить тебя из твоего кокона. Закрылась от всего мира... Так ведь нельзя, дочка, так и жизнь вся пройдёт.

– Па-а-па... – со стоном отчаяния тяну я. – Не заводи снова эту песню, пожалуйста! Нет никакого кокона, у меня всё хорошо! Я просто ещё не встретила своего мужчину. Но обязательно встречу, выйду замуж и буду счастлива. Вот увидишь.

– Дай бог, чтобы это было так.

– Это так, папа. А теперь можно я буду спать, а?

– Я ещё кое-что хотел сказать тебе, дочь.

Устало вздыхаю, запасаясь мужеством.

– Ну что ещё, пап?

– Я купил тебе квартиру.

Мгновение я перевариваю услышанное, хлопая глазами.

– Зачем?

– Нечего тебе делать в этой деревне. Перебирайся обратно в город. Тебе понравится район, там рядом новая школа. Директора я знаю, он готов принять тебя на любых условиях.

– А меня ты спросил, пап, хочу ли я? – с горечью интересуюсь я, качая головой. – Не нужна мне эта квартира. Я планирую взять ипотеку в своей «деревне», как ты говоришь. Мне там нравится. Там рядом сосновый бор, чистый воздух, и к детям я уже прикипела. Так что зря ты старался.

Вижу, что отец начинает злиться. Но молчит. Он уже давно не осмеливается даже чуть-чуть на меня надавить. Потому что знает, что это плохая идея.

– Моя обязанность как родителя обеспечить своего ребенка жильем, – решительно произносит он, сжав руку в кулак. – Так что квартира твоя, документы пока на стадии оформления, но скоро уже всё будет готово. А ты уж поступай потом с ней как знаешь. Хочешь жить в деревне – продай тогда и купи себе там дом. Я помогу, если нужно.

Я теряюсь и даже не сразу нахожусь, что ответить. Такого поворота я не ожидала. Думала, он будет продолжать ещё долго потихоньку настаивать на своём. Ничего не добьется в итоге, но вынет всю душу.

Но кажется, папа наконец смирился с моей самостоятельностью. И если так, то для меня это ни много ни мало гора с плеч.

Неуверенно подаюсь к нему и обнимаю за шею:

– Спасибо...

3. Можно расслабиться на несколько лет

Просыпаюсь по привычке рано в надежде позавтракать, привести себя в порядок и слить из дома, пока его обитатели ещё спят.

Но возле ванной на втором этаже сталкиваюсь с Ариной, которая зачем-то тоже поднялась ни свет ни заря, хотя обычно так не делает.

– Доброе утро, сестрица, – чмокает она меня в щеку, перегородив путь к цели. – Ты когда обратно уезжаешь?

– Сегодня вечером, – с зевком отвечаю я, ненавязчиво высвобождаясь из объятий сводной сестры.

– А днём какие планы? Давай сходим куда-нибудь, прогуляемся, по магазинам прошвырнемся?

– Не получится. Мне нужно в банк съездить. Срок у карточки заканчивается, надо на новую поменять.

– Ну может, ты ещё на денёк тогда у нас останешься, а? – начинает канючить сестра. – А вечером мы с тобой сходим в кафе посидим? Что ты так в свою деревню торопишься, у тебя же отпуск начался?

– Это не деревня, а посёлок городского типа, сколько раз повторять, – бурчу я.

– Да какая разница, всё равно, что тебе там делать в отпуске?

– У меня Васька там один.

Аринка цокает языком и возмущённо закатывает глаза.

– Да что будет с твоим котом, соседку вон попроси его покормить!

– Я ещё ремонт запланировала на этот отпуск. Нужно уже начинать, если хочу всё успеть, – продолжаю лениво отмазываться я.

Но сводная сестрица всё никак не хочет оставить меня в покое.

– Тань, ну какой ремонт в чужом доме? Тебя же в любой момент могут оттуда выселить. Лучше бы куда-нибудь отдохнуть съездила. А давай вместе съездим?

– Ариш, ну отстань, – морщусь я, опираясь плечом на стену и складывая руки на груди. – Мне просто хочется немного освежить обстановку, перекрашу стены на кухне, обои в спальне заменю, это не так уж дорого выйдет, даже если и попросят съехать, ничего страшного.

– Но одной ведь всё это тяжело? – не унимается сестра.

– Да что там тяжёлого?

– Попросила бы папу, он бы тебе строительную бригаду подогнал, сделали бы всё за пару дней.

– Нет. Не надо. Я сама справлюсь.

– Ну ладно. Только давай вечером всё равно с тобой куда-нибудь, ну пожалуйста?

– Признавайся, это наши родители опять заставили тебя меня выгулять? – усмехаюсь я.

– Да почему сразу родители, я просто сама хочу с тобой время провести, – смущённо мямлит Арина. Врать она не умеет совершенно.

– Да просто не хочу я никуда, Арин, – устало произношу я. – Давай как-нибудь на неделе ещё приеду, пирог испечем, чай попьём, поболтаем?

– Танька, ну нельзя быть такой затворницей, – недовольно вздыхает сестра. – Что страшного случится, если мы с тобой вдвоём куда-нибудь сходим погуляем? Может, познакомимся с кем-нибудь...

Я выразительно выгибаю бровь:

– Да? И что на это скажет Валерий?

У Арины в жизни была своя грустная история. Совсем юной выскочив замуж по большой любви, моя сводная сестра не сразу разглядела в своём муже подонка и редкостную сволочь.

Быстренько сделав ей двух детей-погодок, он бросил их. Ради весёлой и вольготной жизни, не обременённой заботами о маленьких детях. И даже алименты не платит.

А Валерий появился около года назад. Серьёзный мужчина, надёжный, как скала. Замуж её зовёт, в детях души не чаёт. Но Арина не торопится соглашаться.

– А ему знать необязательно, – уязвленно произносит она. – Он пока ещё мне не муж, а может, никогда им и не станет. С чего вдруг я должна отчитываться?

– Ариш, у тебя куча подруг, я уверена, ты найдешь себе компанию для прогулки и новых знакомств.

– Я-то найду. Ну а ты, Таня? Ты когда себе кого-нибудь найдешь? Тебе давно уже пора задуматься о семье, о детях...

– Меня моя жизнь вполне устраивает, – грубо перебиваю я сестру. – Не собираюсь я никого себе специально искать.

– А ты думаешь, прекрасный принц на белом коне сам к тебе прискачет? – фыркает она. – Так только в сказках бывает, Таня! А в жизни актуальна поговорка – под лежачий камень вода не течет.

– Так, всё... – шумно вздыхаю я, отодвигая Арину в сторону и протискиваясь мимо неё к ванной. Проскальзываю внутрь и захлопываю дверь перед носом сводной сестры.

Закрываюсь, включаю воду, опираюсь руками на раковину. Смотрю на себя в зеркало. От таких разговоров меня всегда трясёт.

Какого черта они лезут в мою жизнь?

У меня всё прекрасно. Любимая работа. Я обожаю своих учеников, и они отвечают мне взаимностью. У нас много внеклассной деятельности. Мы ездим в походы, на экскурсии, проводим различные интересные мероприятия в школе.

Это не просто работа, это моё призвание.

Да, у меня нет мужчины. Ну и что? Что мне теперь, из кожи вон лезть, чтобы его найти?

Кто виноват, если не встречаются мне нормальные. А кого попало я не хочу. Не нужно мне это для галочки, чтобы было. Чтобы как у всех.

Да и вообще...

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Но мысли уже стремительно несут меня к Сергею.

Наверное, я уже никогда никого не смогу так полюбить, как любила его. А без любви создавать с кем-то семью, заводить детей... Это как-то неправильно. Противно. Мне не хочется даже думать об этом.

Вспоминаю, как он смотрел на меня в ресторане, и по телу пробегает дрожь.

Черт, я всё ещё не забыла его. Наверное, это моё проклятье на всю жизнь. Любить этого подонка.

Принимаю душ и, высушив волосы феном, наношу на лицо дневной крем.

Смотрю на косметику Арины, что разбросана на полочке у раковины. Без спроса беру тушь и тщательно крашу ресницы.

Закончив с этим, придирчиво оцениваю результат. Какими же глаза стали огромными... Я уже и забыла, как выглядит моё лицо с макияжем.

Аккуратно стираю ватной палочкой следы туши, попавшие на веки. Но на этом решаю остановиться.

Вряд ли я сегодня снова его встречу. Теперь можно расслабиться ещё как минимум на несколько лет... А может, и вообще навсегда.

Вернувшись в свою комнату, переодеваюсь в джинсы и майку, собираю волосы в высокий хвост. Достая со дна сумочки блеск для губ, который там валяется уже тысячу лет, ещё с новогоднего чаепития в школе. И провожу слегка кисточкой по губам. Снова разглядываю своё отражение в зеркале.

Глаза мои нехорошо блестят, а внутри так и бьётся волнение.

Теперь, когда я знаю, что он в этом городе, что никуда не уехал, выходить на улицу и куда-то идти стало сложнее. Но здравый смысл подсказывает – вероятность встречи минимальна, и я стараюсь этим себя успокоить. Вот только ничего не выходит.

Накинув на плечи маленький чёрный рюкзак, иду к автобусной остановке. Она находится сразу за территорией посёлка, где папа купил дом.

На улице стоит жара, несмотря на начало июня. Я жадно вдыхаю горячий воздух с запахом цветов и свежескошенной травы на газонах, от которого кружится голова.

Из головы не идёт образ Сергея.

Я бы всё отдала, чтобы ещё раз увидеть его. Но только издали. Так, чтобы он не увидел меня. Я бы очень хотела его как следует рассмотреть. Зачем? А не знаю. В этом нет никакой логики.

Я должна бы его ненавидеть за то, что он сделал. Но не могу. Радуюсь, как идиотка, что у него сейчас всё так хорошо в жизни. И чувствую себя жалкой.

Чёртов коктейль эмоций. Зачем только я увидела его? За что? Ведь у меня всё было нормально... Спокойно...

В банке меня направляют к менеджеру, который зачем-то подготовил не только дебетовую, но и кредитную карту специально для меня. Я сначала отказываюсь от второй, но потом, подумав немного, решаю забрать и её. Все-таки впереди ремонт, вдруг отпускных не хватит. А так будет страховка.

– Подпишите, пожалуйста, здесь и здесь, – любезно подсказывает мне девушка нужные места в договорах. – А это ваши экземпляры.

– А если я не буду снимать деньги с этой карты, значит, ничего платить не нужно? – на всякий случай уточняю я по поводу кредитки.

– Всё верно, – кивает менеджер, – обслуживание карты бесплатное, беспроцентный период пятьдесят дней, и только если вы превысите его, будут начисляться проценты.

– Поняла, спасибо большое.

Пробежавшись глазами по тексту договоров, подписываю их, забираю карточки и ухожу.

– Всего доброго, Татьяна Петровна, – с любезной улыбкой прощается девушка, – хорошего дня!

– Спасибо, и вам, – киваю я.

Шагаю на выход, на ходу убирая карточки и договоры в рюкзак, но путь мне преграждает открывшаяся справа дверь в стеклянной перегородке с надписью «Обслуживание юридических лиц». Оттуда выходят двое мужчин, негромко беседуя о чем-то. Останавливаются, жмут друг другу руки, очевидно, прощаясь.

Моё сердце делает кульбит, вызывая острый болезненный спазм в груди.

Один из этих мужчин – Сергей.

Второй мужчина возвращается за стеклянную перегородку, а Сергей поворачивает голову и упирается взглядом как раз в меня.

Его лицо остаётся невозмутимым, только кадык на шее едва заметно дергается вверх.

– Опять ты, – негромко произносит он.

4. Как поживаешь?

Я даже не знаю, что на это ответить. Чувствую, как к лицу приливает жар.

– Да я тут... по делам, – сконфуженно бормочу и, опомнившись, начинаю шагать к выходу, отведя в сторону взгляд.

Сергей тоже направляется к порогу и открывает для меня дверь. Сначала одну, потом вторую, в фойе, чтобы выпустить на улицу.

– Спасибо, – не глядя на него, бросаю я, не собираясь останавливаться.

Но уже за стенами банка из-за спины раздаётся негромкое:

– Таня.

Замираю на месте и медленно разворачиваюсь. Хоть и очень хочется сбежать. Но в то же время я испытываю необъяснимое облегчение от того, что он меня окликнул. Наверное, я бы сошла с ума, если бы сейчас просто так ушла.

– Как поживаешь? – небрежно интересуется Сергей, склонив голову на бок и подходя ближе.

Мне снова становится неловко под его взглядом. За свои потрепанные кеды, за дешевую майку, купленную на рынке возле школы, за выцветшие от времени джинсы.

Потому что Сергей снова одет идеально. Наверняка в очень дорогие вещи. На нём белая рубашка с завёрнутыми до локтя рукавами, светлые брюки. На запястье массивные спортивные часы, а в руке брелок от машины.

И я не понимаю, почему эта разница между нами так убивает меня. Почему рядом с ним я чувствую себя неудачницей.

– Хорошо поживаю, – пожимаю плечами я, пытаюсь сделать вид, что наша случайная встреча второй день подряд мне совершенно безразлична. – А ты как?

– Тоже неплохо, – отвечает он. И я снова не могу прочесть его эмоции. Кажется, если кому из нас двоих и безразлично всё происходящее, то уж точно не мне. – Замуж не вышла?

Впервые в жизни я остро жалею о том, что это так. Как бы мне хотелось сейчас сказать ему, что да, я вышла замуж, у меня прекрасный муж и детишки, и я безумно счастлива.

Но нет. Врать о таком унизительно.

– Нет. А ты? Не женился?

– Нет, – как-то странно усмехается он. Будто я только что задала совершенно нелепый вопрос.

– Как... твои друзья поживают? Вы ещё общаетесь? – зачем-то поддерживаю я разговор.

Хотя самой дурно от того, что мы просто стоим рядом. Кажется, ещё немного, и у меня потемнеет в глазах от волнения.

– Карим во Франции сейчас. Женился. Дочку растят. Мажор здесь двигается, видимся иногда, всё нормально у него. С Дюшей не общаемся. Но от пацанов знаю, что он в Москве, какой-то бизнес там мутит, – неожиданно просто делится он.

– А как Стёпа с Маргаритой? Они до сих пор вместе? – с искренним интересом спрашиваю я, даже забыв на миг обо всех разрушительных эмоциях, что испытывала минуту назад.

– А Стёпы больше нет, – мрачно отвечает Сергей. – Убили его.

Прикрываю ладошкой рот, шокированная услышанным:

– Как убили? Кто?

– Да так. Мразь одна. Которая уже горит в аду.

– Какой кошмар... – выдыхаю я. – А как Марго? Как она это пережила?!

– А у неё всё хорошо, – с пренебрежением произносит Сергей. – Поплакала немного, потом замуж вышла за какого-то банкира. Нарожала троих детей.

На несколько мгновений между нами повисает неловкая тишина. И мне так больно от услышанного, будто Степан был мне кем-то близким, а не просто знакомым парнем, с которым я даже ни разу не разговаривала толком. Но почему-то гораздо больше мне жалко Марго. Я ведь помню, как она его любила. Страшно представить, как бедняжка такое пережила. И эмоции Сергея на её счёт совершенно непонятны. Это же счастье, что она не сломалась, а смогла жить дальше, устроить личную жизнь, создать семью.

– Осуждаешь её? – спрашиваю я, испытывая какой-то необъяснимый страх. Будто если он это подтвердит, я окончательно разочаруюсь. Получу ещё одно подтверждение, что нет у этого человека сердца, и на сострадание он не способен.

Но Сергей смотрит на меня будто с непониманием:

– С чего ты взяла?

– По твоему тону.

– Да нет. С чего мне её осуждать. Она не обязана была с ним в могилу ложиться. Жизнь продолжается, мы все двигаемся дальше.

Он произносит всё это ровным тоном. Будто ему всё равно. Но я вдруг отчетливо понимаю, что на самом деле это не так.

Ему больно. Ему по-настоящему больно из-за смерти друга. И осознание это оглушает меня. Я ощущаю его боль как свою. И на сердце будто камень.

– Мне очень жаль, Серёж... – произношу тихо, глядя ему в глаза.

– Ты в линзах? – вдруг спрашивает он.

– Нет, – растерянно отвечаю я, не ожидавшая такого вопроса.

– Не носишь очки?

– Я сделала лазерную коррекцию зрения...

– Ясно. А сейчас куда идешь?

И снова такая резкая смена темы разговора застаёт меня врасплох, и я, как на детекторе лжи, не задумываясь, говорю как есть:

– На автобусную остановку...

– А куда тебе нужно ехать? Давай я тебя подвезу? – внезапно предлагает Сергей. Будто в этом нет ничего особенного. Будто можно вот так просто и легко после всего, что между нами было, начать общаться, как старые добрые друзья.

– Да не надо, спасибо... – недоуменно отвечаю я.

– Почему нет? Боишься меня, что ли? – огорошивает он меня еще одним странным вопросом.

– Почему я должна тебя бояться?

– Не знаю, может, боишься сесть ко мне в машину, думаешь, что я тебя куда-нибудь не туда увезу, – пожимает плечами он с нехорошей ухмылкой на губах.

– Да нет, я так не думаю... – смущаюсь я.

– Тогда в чем проблема?

– Да ни в чем, просто я могу и на автобусе доехать.

– Брось, мне несложно. Как раз сейчас свободен.

– Ну хорошо...

Не верю, что сказала это. Не понимаю, зачем согласилась. Но ловлю себя на диком желании ещё хоть немного побыть с ним рядом. Поговорить. Кажется, это мне жизненно необходимо.

Наверное, это очень глупая затея. Меня даже начинает чуть-чуть потряхивать от волнения. Но я ведь уже согласилась. Назад пути нет.

– Идём, – кивает Сергей в сторону припаркованных у банка машин.

И я послушно следую за ним, как на заклятие.

5. До сих пор ненавидишь?

Сергей пиликает брелком, и черный спортивный автомобиль неподалёку от нас приветственно моргает фарами.

– Твоя? – спрашиваю я, не проконтролировав свою интонацию, как у восторженной малолетки.

Машина выглядит очень круто. Я таких у нас в городе вообще раньше не видела.

– Ага, – кивает Сергей, открывая для меня пассажирскую дверь.

– Классная, – краснея, произношу я.

– Правда? А мне не очень нравится, – признаётся он.

– Почему? Мне кажется, она идеальна.

– Думаешь?

– Ну я, конечно, не знаток машин... – смущенно бормочу я. – А зачем тогда покупал, если не нравится?

– Экспериментирую, – пожимает плечами Сергей.

Мда. Вас, богатых, не понять.

Заняв водительское сиденье, Сергей заводит двигатель, и автомобиль начинает утробно рычать. У меня все внутренности дрожат от этих вибраций.

– Куда едем?

– В Солнечный.

Сергей медленно кивает и вдавливая педаль газа. Кажется, будто чуть-чуть совсем, но меня вжимает в сиденье.

Внутри машина выглядит ещё более впечатляюще, чем снаружи.

И вот это всё, значит, ему не очень нравится?

Как же он заработал столько денег, чтобы теперь так ими разбрасываться.

Смотрю на его профиль, и в сердце щемит от того, каким он стал мужественным и красивым. Но зловещая татуировка на шее пугает меня. Теперь я могу как следует её рассмотреть, оказывается, это голова змеи с открытой пастью. Выглядит жутко, даже мороз идёт по коже.

– Зачем ты сделал эту татуировку?

– Ошибки юности, – хмыкает Сергей, не отрывая взгляда от лобового стекла.

– Знаешь, я очень рада, что у тебя всё хорошо. Кажется, ты многого добился в жизни.

– Ага, прикинь. Гопники с социального дна тоже иногда чего-то добиваются, – с сарказмом произносит он.

А мне как ножом по сердцу его слова.

– До сих пор помнишь, что я тебе тогда сказала?

– Ну амнезией пока не страдаю.

Пораженно замолкаю. Никогда бы не подумала, что он до сих пор помнит упреки, которые я наговорила ему семь лет назад в порыве ненависти. Я и сама не очень хорошо помню, что именно тогда несла.

– Извини меня за те слова, – сдавленно произношу я. – Я... была не в себе.

– Да ладно, всё ты правильно тогда сказала. На правду не обижаются, – сухо отвечает он.

В горле образовывается ком.

Отворачиваюсь к окну, остро сожалея о том, что согласилась, чтобы Сергей меня подвёз. Просто хотелось побыть с ним рядом ещё немного. Но у всего есть своя цена.

Моя цена – агония. Не думала, что она настигнет меня так скоро. И будет такой болезненной.

И я чувствую, что его настроение тоже изменилось. Дальше едем в тишине.

Я только показываю дорогу до дома отца, когда въезжаем в Солнечный.

Сергей тормозит у ворот, глушит машину, поворачивается всем корпусом ко мне:

– Можно твой телефон на минутку, позвонить?

– Да, конечно... – Вытаскиваю из кармана сотовый и без задней мысли протягиваю ему. Он набирает какой-то номер, делает дозвон, и вдруг на приборной панели начинает вибрировать его навороченный гаджет.

Сбросив вызов, Сергей тут же возвращает мне мой сотовый:

– Это мой номер, сохрани. Я завтра позвоню. Сходим куда-нибудь, поужинаем.

Я шокировано хлопаю глазами, уставившись на него:

– Так, подожди, – нервно усмехаюсь, – ты зачем так делаешь? Я не собираюсь с тобой ужинать. Спасибо, что подвёз, но я тебя об этом не просила. Ты сам предложил, сказал, тебе несложно.

– Тихо, тихо, – останавливает он мою возмущенную речь. – Я просто хотел увидаться ещё с тобой, посидеть поговорить.

– Зачем, Серёжа?

– А ты не догадываешься?

Его глаза впиваются в мои, а ладонь вдруг опускается на моё колено, отчего меня прошивает током. Вздрагиваю и сталкиваю её со своей ноги, плотно сжимая колени и уводя их в сторону.

Сердце начинает барабанить в груди, как сумасшедшее.

Я отрицательно кручу головой, обескураженно глядя на Сергея:

– Ничего себе, как у тебя всё просто!

– А как надо? – невозмутимо спрашивает он. – Давай сделаем непросто.

– Слушай. Я очень рада, что у тебя сейчас всё хорошо. Но есть вещи, которые так легко не забываются. После того, что между нами было, мы не можем просто так взять и пойти ужинать как ни в чем не бывало!

– И что ты хочешь, чтобы я сделал? – в той же невозмутимой манере интересуется Сергей.

И этот его равнодушный тон меня просто убивает.

– Да ничего. Ничего не надо делать, – отрывисто произношу я. – Я просто пойду, ладно? И не надо мне звонить. Я твой номер сохранять тоже не буду.

И наконец на его лице проскальзывают эмоции. Оно становится злым, по скулам прокатываются желваки. Взгляд застывает, делается ледяным, и мне от этого не по себе. Хочется поежиться и втянуть голову в плечи.

– Это ты мне тогда изменила, – с презрением произносит Сергей. – Это я должен сейчас с тобой сквозь зубы разговаривать.

– Как я могла тебе изменить, если ты меня первым бросил? – опешив, спрашиваю я.

– Я тебя не бросал. У меня были проблемы, я их решал. И ты мне обещала подождать, – зло цедит он, угрожающе наклоняясь надо мной.

– Да?! А я думала, всё это сказочки, чтобы я не узнала, что ты меня продал! – нервно выпаливаю я, отодвигаясь как можно дальше от него на сидении.

На мгновение между нами повисает тишина.

– Значит, ты все-таки знала... – медленно произносит Сергей.

– Знала, – сокрушенно подтверждаю я. – Видела ту запись, где отец передаёт тебе деньги. Ты их взял с обещанием, что бросишь меня. И сдержал обещание. Бросил. Исчез, пропал, запретил мне звонить тебе. Когда я в тебе очень нуждалась...

Сергей прикрывает глаза и шумно выдыхает, откидываясь на спинку своего сиденья.

– До сих пор меня за это ненавидишь? – глухо интересуется он.

– Я не ненавижу. Но и забыть никогда не смогу, извини. Не надо мне звонить, ладно? Давай просто... Просто разойдёмся сейчас в разные стороны. И всё.

Не дожидаясь ответа, хватаюсь за дверную ручку и выхожу из машины. Быстрым шагом иду к дому отца. И слышу, как позади Сергей срывается с места с пробуксовкой.

У калитки, не выдержав, оборачиваюсь и вижу, как его машина скрывается за поворотом, оставляя после себя клубы дорожной пыли.

6. Ну какой же из него воришка?

Вломившись в дом отца, сразу бросаюсь по лестнице вверх, игнорируя радостные возгласы заметивших меня детей.

– Таня, привет!

– А ты сегодня с нами поиграешь?

– Простите, котята, – всё же отрываюсь я, на миг обернувшись. – У меня срочные дела.

Скрываюсь в гостевой спальне. Сгребаю оставленные на столе вещи – зарядку для телефона, наушники, ключи – в рюкзак. Не могу больше ни минуты находиться в этом городе, мне нужно срочно уехать домой.

Закинув за плечо рюкзак и захватив ветровку со спинки стула, спускаюсь обратно вниз. Жутко не хочется ни с кем прощаться, но в прихожей уже поджидает Анна с кухонным полотенцем в руках.

– Танюш, ты снова уходишь? Может, позавтракаешь, я пирог с яблоками испекла.

– Спасибо большое, но мне срочно нужно вернуться домой, – взволнованно вру я.

– А что случилось?

– Да там... Замеры делать придут, я кухню новую заказала. Совсем забыла, что мы на сегодня с мастером договаривались.

– А-а-а, – понимающе тянет Анна.

– Извините, что так получилось. Я опаздываю ужасно, поцелуйте от меня папу, пусть не обижается, что я так быстро уехала, ладно?

– Конечно, я ему передам, – добродушно отзывается жена отца.

– Таня, а когда ты ещё приедешь? – подбегает ко мне Лизонька и крепко обнимает за бёдра – выше пока не дотягивается.

Присаживаюсь на корточки и обнимаю её в ответ.

– Не знаю, солнышко. Но я позже тебе позвоню, хорошо?

Чмокаю её в бархатистую щечку и бессовестно сбегаю на улицу. Пока племянники не прискакали прощаться вслед за сестрой. От троих улизнуть было бы уже проблематичнее.

До остановки шагаю так быстро, что начинает колоть в боку. К счастью, автобус подходит почти сразу. Занимаю место в самом дальнем углу у окна, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу и лишь только теперь даю волю слезам.

Закрываю глаза и беззвучно реву. Грудную клетку разрывает от боли.

Сама не понимаю, почему мне настолько паршиво? Казалось, давно уже переболела, пережила. Но нет. В душе будто вскрылся нарыв, о существовании которого я не подозревала. Думала, рана давно зажила, оставив после себя лишь фантомные боли.

Когда мелькающие за стеклом разномастные многоэтажки города сменяются лесополосой, мои слёзы наконец высыхают. И я просто смотрю в окно невидящим взором. Старенький автобус, как обычно, дымит и подпрыгивает на каждой кочке, доставляя немалый дискомфорт, но сегодня я даже не обращаю на это внимания.

Зачем только я встретила его? Жила себе спокойно, а теперь...

А теперь надо заново забывать.

Но пока сложно даже представить, как мне это удастся. Для начала нужно как-то выбросить из головы вопрос – зачем Сергей звал меня на ужин?

Чего хотел?

Вспомнить юность, провести со мной ночь? Или чего-то большего?

Думать об этом невыносимо.

А может, мне стоило согласиться? Чего я так заартачилась? Начала старые обиды припоминать... Столько лет прошло. Мы теперь совсем другие. Зачем я начала этот разговор? Кому от него стало лучше?

Он даже не извинился...

Так и не понял, сколько боли мне причинил. И вряд ли когда-нибудь поймёт.

Мне стоит с этим смириться. Стоит простить и отпустить уже раз и навсегда.

Но я не могу...

Нет, в самом деле, ну какой ужин! Было бы лучше, если бы он вообще меня не окликал! Я бы пережила.

По пути от остановки к своему дому встречаю соседку Алю. Мы с ней общаемся иногда, душевная женщина.

– Привет, Танюшка, – машет она мне рукой ещё издали. – Что, в город ездила?

– Привет, Аль. Ага.

Поравнявшись, мы коротко обнимаемся.

– Ого, Тань, а чего у тебя с глазами? Ревела, что ли? – обеспокоенно вглядывается в моё лицо Аля.

– Да всё нормально, – отмахиваюсь я, – мошка просто попала, еле получилось достать.

Сегодня просто какой-то день вранья.

– Слушай, там какой-то мальчишка возле твоего дома с самого утра крутится, – вдруг сообщает соседка. – Я его дважды прогоняла, он убежит, потом, смотрю, снова неподалёку маячит. Я уж милицией ему пригрозила.

– Да ты что, зачем угрожать, Аль? – расстраиваюсь я. – Это, наверное, кто-то из моих учеников.

– Ой, и правда, а я что-то не подумала даже, – озадаченно запускает пыльцы в волосы Аля, взлохмачивая свою буйную рыжую шевелюру. – Да просто он скользкий такой с виду, знаешь. Взгляд, как у волчонка. На воришку уж очень похож.

– Это Тёмка, наверное, – взволнованно закусываю я губу. – Ладно, побежала я тогда. Наверное, что-то случилось, раз пришел.

Махнув на прощанье соседке рукой, поспешно шагаю дальше.

На крыльце меня и правда поджидает Тёмка, мой ученик из пятого класса.

Ну какой же из него воришка? Хороший мальчик. Просто одет плохонько. С родителями не повезло...

– Здравствуйте, Татьяна Петровна, – завидев меня, тут же вскакивает на ноги он.

– Здравствуй, Артём. Что-то случилось? Почему не позвонил? Давно ждёшь? – сходу засыпаю я его вопросами.

– Да с ночи. Не хотел вас тревожить. Мамка опять напилась, кидалась на меня со стулом.

В горле собирается ком. Сердце сжимается, как представляю, что этого голубоглазого ангела может так обижать родная мать. А самое паршивое, что я не знаю, как мальчишке помочь.

Кое-как отыскиваю в рюкзаке ключи, отпираю и распахиваю дверь перед своим гостем.

– Идём, Тёма, заходи. Ты голодный, наверное? Сейчас я блинчиков быстро напеку.

– А можно я немного посплю у вас? – робко спрашивает парень.

– Конечно, мой хороший. Сейчас я тебе постелю.

Укладываю его в своей спальне на кровать. Домик у меня маленький, две комнаты всего, одна из которых совмещена с кухней. И пока Тёмка спит, завожу тесто, убираю в холодильник. Чтобы, когда мой гость проснётся, напечь ему горяченьких блинов. Решаю ещё сварить суп с фрикадельками. В прошлый раз Артём его так нахваливал.

Учуяв запах фарша, под ногами материализуется Васька. Хитрец, трётся рядом, выпрашивая лакомство. Черный, как смоль, здоровый котяра, однажды прибившийся ко мне прямо

на улице ещё котёнком. Не смогла тогда пройти мимо, забрала к себе. С тех пор так и живём вдвоём.

Тёмка просыпается, уже когда начинает вечереть.

Суп давно готов и даже успел остыть. Ставлю его на разогрев и быстренько принимаюсь за блины.

– Доброе утро, – улыбаюсь сонному Артёму в надежде подбодрить. – Мой руки и пойдём кушать.

Но мальчишка кивает без особого энтузиазма.

Садимся за стол. Замечаю на худом плечике огромный синяк.

– Это она? – спрашиваю надтреснутым голосом.

– Угу, – хмуро кивает Артём. – Не успел вернуться один разок.

– Тёма, – тяжело вздыхаю я, – ты ведь понимаешь, что я как твой учитель не могу бездействовать, глядя на всё это? И обязана сообщить в органы опеки!

– Но вы ведь этого не сделаете, Татьяна Петровна? – спокойно, с не по годам пронизательным взглядом спрашивает он.

– Родители не должны так обращаться со своими детьми. Это недопустимо, Тёмочка.

– Я не хочу в детский дом, – хмуро, совсем как взрослый, произносит мальчишка.

И я понимаю, что он прав. Что это, наверное, ещё хуже. Мать его, хоть и алкоголичка, но любит сына по-своему. Когда трезвеет, даже раскаивается. Я столько раз уже с ней беседы проводила. И органами опеки грозила. Она боится их как огня, клянётся-божится, что больше в жизни к рюмке не прикоснётся. Но всё равно периодически срывается...

– Если вы меня сдадите, я никогда вам не прощу, – насупившись, заявляет Артём.

– Я не сдам, – тихо отвечаю я, – не сдам, Тёма.

Поднимаюсь из-за стола. Ухожу, сажусь на диванчик в углу комнаты и отворачиваюсь к окну. На душе такой груз из-за этого мальчишки. И руки у меня связаны.

Артёмка шустро поедает блины, прихлёбывая супом, а когда тарелки пустеют, подсаживается ко мне.

– Татьяна Петровна, вы такая хорошая. Если вас кто-то обидит, вы только мне скажите, ладно? Мы с пацанами любому шею намылим.

Я умиленно улыбаюсь, трепля его по волосам. Вот какой у меня защитник.

– Спасибо, Тёмочка. Но меня никто не обижает, не переживай.

– А почему вы одна живете? Почему у вас нет мужа?

– И ты туда же? – смеюсь я. – Не нашёлся пока ещё мой муж.

– Вот я вырасту, на вас женюсь, – важно заявляет мальчишка.

– Когда ты вырастешь, я буду уже старая, – снова хохочу я.

– Ну и что?

– Нет-нет, даже не думай об этом. Ты найдешь себе девочку-ровесницу. И у вас будет замечательная семья!

– Тогда хочу, чтобы моя жена была на вас похожа.

– Ты вырасти сначала, потом о жене будешь думать. Сейчас главное хорошо учиться, закончить школу, поступить в университет...

– Да-да, я знаю, – недовольно закатывает глаза сорванец, – а можно мне ещё блинчиков?

– Конечно, – ласково отвечаю я, поднимаясь с дивана, – сейчас напеку.

7. Хочется любви

Дни отпуска идут, сегодня уже пятый, а я никак не могу заставить себя взяться за ремонт. Всё оттягиваю момент, предпочитая часами лежать на диване и пялиться в потолок.

Встреча с Сергеем подкосила меня. Чувствую себя морально истощенной, словно кто выкачал из души всю энергию. Уже тошнит от горьких воспоминаний, мыслей, но я не в состоянии выбросить их из головы. Они лезут и лезут туда, как назойливые насекомые, не позволяя ни на минуту спокойно вздохнуть.

Собрав все внутренние силы в кулак, резко поднимаюсь с дивана и решаю – хватит. Как бы ни было противно от встречи с прошлым, это всего лишь прошлое. И я не должна позволять ему отравлять мою жизнь.

Заставляю себя принять душ, собраться и отправиться на строительный рынок за краской. Давно пора уже выбросить всю дурь из головы и заняться делом. Заодно и отвлекусь.

Но по пути зачем-то захожу в единственный приличный магазин одежды в нашем посёлке. Долго хожу между вешалками с красивыми тряпками, перебирая плечики.

Не знаю, зачем делаю это. Точнее, знаю. Но стараюсь не думать.

Нет, это не ради него. Ради меня. Я совершенно точно не надеюсь на ещё одну случайную встречу. Более того, я сделаю всё, чтобы её избежать.

Мне просто хочется выглядеть лучше. Пусть это будет мой женский каприз.

Отправляюсь в примерочную, прихватив с собой несколько воздушных летних нарядов.

Надеваю один из них. Кручусь перед зеркалом, изучая свою фигуру.

Красиво, но я слишком худая.

Распускаю волосы по плечам. Приподнимаю руками грудь в обычном тканевом бюстгальтере без пушапа. Хочется купить ещё новое красивое бельё. Но так мне денег на ремонт не хватит.

Однако я покупаю. Беру пару платьев и один брючный костюм из удивительно тонкой и приятной на ощупь ткани. А ещё босоножки на небольшой платформе и толстом высоком каблуке. И два комплекта нижнего белья, в которых моя фигура приобретает более соблазнительные формы.

На кассе отдаю приличную сумму, отчего слегка мучает совесть. Кажется, на ремонт теперь мне и правда не хватит. Ну да ладно, сэкономлю на чем-нибудь потом.

– А можно я в примерочной переоденусь в это? – киваю я на пакет с обновками в своих руках.

– Конечно, – улыбается мне девушка-кассир.

Покинув магазин, шагаю дальше уже в изящных босоножках и летящем белом сарафане, накинув на плечо свой рюкзачок, который отлично вписался. И чувствую себя совершенно иначе. Практически Афродитой. Проходящие мимо мужчины сворачивают шеи, что заставляет меня улыбаться.

Уже и забыла, каково это – чувствовать себя красивой.

И мне откровенно жаль, что я не была так одета, когда отправилась на папин юбилей или на следующий день в банк...

Но об этом стараюсь больше не думать.

Нужно жить дальше. У меня всё ещё впереди.

Брожу на рынке среди рядов с краской. Листаю каталог у одного из прилавков, пытаюсь выбрать цвет. Хочется чего-то яркого, но боюсь, что со временем надоеет и будет раздражать. А пастельные тона уже надоели. Вся моя жизнь последнее время – сплошные пастельные тона. Хочется кардинально всё поменять. И не только в доме...

Хочется взрыва, куража, эмоций! Хочется любви...

Да. Влюбиться бы в кого-нибудь до потери пульса!

Наверное, только таким образом и можно навсегда забыть прошлое. Клин клином выбить, не зря ведь говорят, что это лучший способ.

Но даже если ничего не выйдет, даже если мне снова будет больно, ну и что?

Хуже, чем было, уже точно не станет.

– А можно мне вот такой лимонный цвет? – тычу я пальцем в каталог, показывая продавцу.

– Конечно, красавица, – отзывается тот, ощупывая меня заинтересованным взглядом. – Тебе какую площадь нужно покрасить?

За прилавком – молодой улыбочивый мужчина. Вполне себе симпатичный. Одет со вкусом, что, в принципе, в нашем посёлке редкость, а на рынке так и вообще. Всем хорош, но на безымянном пальце блестит обручальное кольцо.

И мне сразу становится неприятно.

– Хотя знаете, я ещё похожу посмотрю, – закрываю каталог я. – Спасибо.

– Да у нас тут у всех одно и то же, – доверительно сообщает он. – Нового ничего не найдешь. А я тебе скидку хорошую сделаю, хочешь?

Поигрывает бровями.

– Не хочу, – отрезаю я.

Разворачиваюсь и ухожу.

– Поглядите, какая цаца! – несётся мне в спину недовольное.

Шагаю дальше, не оборачиваясь, только мысленно закатываю глаза.

Ну и как тут влюбишься, если кругом одни вот такие экземпляры?

Может, и правда мне стоит в город выбраться, с Аринкой погулять... Может, познакомлюсь там с кем-нибудь приличным.

Или снова столкнусь с проклятым Сычевым...

От этой мысли делается не по себе.

Нет. Если и гулять, то только не в нашем городе, а в каком-нибудь другом. Вот это уже неплохая идея.

Хотя, если познакомлюсь с кем-нибудь в другом городе, то что же мне потом, переезжать? Да я, может, и с удовольствием бы переехала, только как Тёмку оставишь?

Да и вообще у меня все ученики хорошие. Добрые, отзывчивые ребята. Очень хотелось бы их до выпуска довести.

А потом, когда вырастут, отчего бы и не переехать. Как можно дальше отсюда...

– А сколько стоит у вас вот эта краска? – спрашиваю я, дойдя до следующего прилавка с интересующей меня маркой.

– А вам какой нужен объем? – подсказывает на ноги молодой парень с поджарой фигурой и обгоревшим на солнце лицом.

В майке, шортах и сланцах, с взъерошенными волосами. Без обручального кольца. Зато с грязью под ногтями.

Представляю на секунду себя с ним... И тут жалею об этом.

Нет. Однозначно нет.

«Но краску-то купить у него можно?» – усмехаюсь мысленно сама себе.

Только ответить на вопрос парня не успеваю, начинает трезвонить мой телефон.

– Одну минутку, – вежливо улыбаюсь я и отхожу на несколько шагов, выживая гаджет из рюкзака.

Невольно хмурюсь, увидев на экране номер Анны. Обычно она мне не звонит. Даже если что-то нужно, передаёт через отца, Аринку или Лизоньку.

– Алло, – принимаю вызов.

– Танечка, привет. Как твои дела? – доносится из трубки голос Анны.

- Всё хорошо, спасибо. А у вас как?
- Да так... Я спросить хотела. Ты случайно не собираешься к нам приехать в ближайшее время?
- Не планировала пока, а что?
- А можно тебя попросить приехать сегодня?
- Что случилось? – начинаю беспокоиться я. – Кто-то заболел?
- Нет, слава богу, все здоровы, – успокаивает меня Анна. – Но мне нужно срочно с тобой поговорить. Только пожалуйста, Петя не должен знать, что это я тебя попросила приехать! Давай, будто ты сама так решила? Если спросит, скажешь, что соскучилась, ладно?
- Я ничего не понимаю, Анна, – озадаченно произношу я, совершенно сбитая с толку.
- Я всё тебе объясню, когда приедешь. Но до тех пор никто не должен знать о моём звонке тебе, особенно Пётр. Это очень важно, Тань. Хорошо?

8. Пообещай, что не выдашь меня

– Ого, а что это за красота неземная к нам пожаловала?!

Дверь открывает Арина и тут же округляет глаза, оценив мой обновленный образ.

– Привет-привет, – скромно улыбаюсь я.

Анна настолько заинтриговала меня своей внезапной просьбой, что с рынка я сразу отправилась на автобусную остановку. Даже не стала домой заходить, чтобы оставить пакеты с купленными вещами. Хорошо ещё, что ведро с краской не успела приобрести.

– Какое классное платье, Тань! Где ты его взяла? – продолжает осыпать меня комплиментами сестра.

– Да у нас там купила, – отмахиваюсь я, чмокая её в щеку.

– Ну ты вообще красотка, умеешь же удивить, а!

– Ну хватит уже, Арин.

В прихожей появляется Анна, как обычно, с полотенцем в руках. Иногда мне кажется, что жена отца большую часть жизни проводит на кухне.

– Здравствуй, Танечка, – обнимает она меня, – проходи скорее, ты как раз к обеду.

Вслед за ней ко мне сбегается детвора, принимаясь радостно скакать вокруг и требовать к себе внимания.

Последним приходит отец. Без настроения. Молча целует меня в щеку и сразу же отправляется обратно в сторону лестницы.

– Петь, сейчас обедать будем, не уходи далеко, – произносит ему в спину Анна. Каким-то совсем необычным для неё заискивающим тоном.

– Я не голоден. Обедайте без меня, – не оборачиваясь, сухо бросает отец, поднимаясь по ступенькам.

Анна меняется в лице и нервно швыряет на пол полотенце. Потом, словно опомнившись, тут же подбирает его и поспешно сбегает на кухню.

– Что это с ними? Поссорились, что ли? – шёпотом спрашиваю я Аринку, чтобы нас не услышали.

– Понятия не имею, – пожимает плечами сестра. – Уже два дня как пришибленные ходят.

– Ты не спрашивала у мамы, что случилось?

– Да спрашивала. И у мамы, и у папы. Оба утверждают, что всё прекрасно. Как будто я слепая.

– Ясно, ясно... – задумчиво киваю я.

Ну теперь хотя бы примерно понятно, зачем Анна ко мне обратилась с такой странной просьбой. Наверное, хочет, чтобы я их помирила.

В груди как-то странно зудит от нехорошего предчувствия. Что же такого могло произойти между ними?

Собираемся в кухне за большим столом. Анна, Арина, я, Лизонька и племянники – Любушка с Семёном. Отец так и не спустился.

Анна приготовила просто царский обед, будто сегодня праздник какой-то. Но сама к еде не притрагивается. Сидит чернее тучи, жалко на неё смотреть.

– Арин, ты не могла бы детей отвлечь, после того как поедим? Хочу с твоей мамой поговорить, – прошу сестру, снова шепотом, чтобы никто не слышал.

Аринка без лишних вопросов согласно кивает.

Дети, наевшись, начинают хулиганить, разливают на стол компот, скачут по всей кухне, заставляя всех нервничать. Но Арина, как и обещала, быстренько уводит их наверх в детскую. А я помогаю Анне убрать со стола.

– Что случилось? – спрашиваю её, как только мы остаёмся наедине.

Она воровато оглядывается, прежде чем ответить, потом идёт и плотно закрывает дверь на кухню.

– Присядь, – указывает взглядом на стул.

Послушно сажусь, и Анна опускается рядом.

Тяжело вздыхает, тщательно расправляя ладонями складки на подоле своего домашнего платья.

– В общем, у папы твоего проблемы, – наконец выдаёт она. – Только Тань, пообещай мне, что этот разговор останется между нами. Петя мне строго-настрого запретил рассказывать тебе о случившемся.

– Господи, Анна, да что произошло-то?! – не выдерживаю я.

– Пообещай, что не выдашь меня. Иначе твой отец подаст на развод.

– Хорошо, обещаю, – нетерпеливо киваю я несколько раз. – А теперь говорите уже, что случилось?

– Твой папа сбил человека.

– Что?!

– Т-ш-ш, – прикладывает Анна палец к губам, – пожалуйста, тише, Танечка.

– Как это произошло? Что с тем человеком? Он жив?

– Да, жив, слава богу. Но получил очень серьёзные травмы. Петру грозит тюремный срок.

Прикрываю ладошкой рот, шокированная услышанным.

Господи, да как такое может быть?! Папа сто лет за рулём, всегда был очень аккуратным водителем! Как он мог кого-то сбить?!

– Анна, я не понимаю... Боже, и что же теперь делать?!

Жена отца снова тяжело вздыхает и сцепляет руки в замок на коленях так сильно, что белеют костяшки пальцев.

– В общем, Петя оплатил этому мужчине всё лечение, но тот требует еще сверху денег. Много. Миллион. Но твой отец не собирается больше ничего ему платить. Он вообще не считает себя виноватым в аварии. Говорит, что мужик этот будто специально ему под колёса бросился. И он бы никак не успел затормозить. Но доказательств у него никаких нет, Тань. Камер на том участке дороги не было. И свидетелей, как назло, тоже. Я консультировалась с юристом. Шансов у Пети доказать, что он не виноват, нет. И его могут посадить, если дело дойдёт до суда! А ещё он потеряет работу, Тань. Ты ведь знаешь, какая у него должность. Ему сразу дали понять, что людям с судимостью там не место.

– Так пусть отдаст этому мужику чертовы деньги! – в сердцах выпаливаю я.

Анна снова на меня шикает.

– Да тише ты! Не хочет он. Принципиально. Да и нет у нас сейчас таких денег, Тань. Я ему говорила, что нужно продать наш дом, купить что-то поскромнее, но Петя и слушать ничего не хочет. Принципы у него, видите ли! А о нас он подумал? О Лизоньке подумал? Да и вообще... Были бы у меня эти деньги, пошла и сама бы отдала, ей-богу!

– Я с ним поговорю, – резко встаю со стула я.

– Нет! – хватает меня за руку Анна. – Ты мне обещала, что не выдашь меня! Без шуток, Таня, он пригрозил мне разводом, если я тебе расскажу.

– Хорошо, я поняла, – киваю я, без сил оседая обратно.

Отец – тот ещё упрямец. Боюсь, что меня он послушает с тем же успехом, с которым послушал Анну. Только ещё сильнее разозлится.

– Скажите мне, как найти того мужчину, – приходит мне в голову мысль. – Я съезжу к нему, поговорю. Может, удастся сторговаться на меньшую сумму.

9. Ух ты, какая киса!

Миллион. Это очень большие деньги. За такую сумму в нашем посёлке можно купить квартиру. Или даже небольшой дом.

В городе, конечно, цены намного дороже...

Квартира, которую для меня приобрел отец, наверняка стоит больше миллиона. Я могла бы её продать, заплатить тому мужчине, и ещё остались бы деньги на покупку своего жилья в посёлке.

Это единственный вариант, который приходит мне в голову. Где ещё можно взять такие деньги, ума не приложу. Разве что почку продать. Но и то не уверена, что этот орган настолько дорого стоит.

Едва не пропускаю нужную остановку в этих невеселых мыслях. Но успеваю выскочить из автобуса в последний момент, вовремя опомнившись.

Передо мной предстаёт мрачная махина третьей городской больницы. Мне еще ни разу не доводилось здесь бывать.

Плутаю по территории, отыскивая стационар. Покупаю одноразовый медицинский халат и бахилы. Поднимаюсь в травматологическое отделение.

Пахнет хлоркой...

– Извините... Добрый день. А в какой палате лежит Геннадий Попов? – обращаюсь к молоденькой медсестре на посту.

– В пятой. По коридору до конца, платное отделение, – любезно подсказывает она, даже не спросив, кем я ему прихожусь. Хотя, может, это и неважно.

Иду в указанном направлении, чувствуя, как внутри нарастает волнение.

Отыскав нужную палату, замираю перед ней в нерешительности. За наполовину стеклянной дверью видна высокая больничная кровать. На которой лежит человек. Мужчина. Весь перебинтованный.

Становится жутко до тошноты.

Собравшись с силами, захожу. Делаю пару неловких шагов и снова застываю на месте, испуганно разглядывая его.

Из одежды на нём только шорты. Левую половину туловища немного прикрывает простынь. Правая нога в гипсе до самого бедра. И правая рука, из которой вдобавок торчат металлические спицы. Грудная клетка перебинтована. Голова тоже в бинтах, словно в шапке. Лицо как будто отёкшее, под глазами синяки.

Несмотря на то, что Геннадий шантажирует моего отца, становится его жалко. Похоже, ему крепко досталось. Кажется, папа в данной ситуации очень неправ.

Сомневаюсь в том, что этот мужчина мог намеренно броситься под колёса, как предположила Анна. Разве можно сознательно так себя покалечить?

Мужчина смотрит телевизор, висящий на стене напротив его кровати, и что-то ест из пакета здоровой рукой. Перевожу взгляд на упаковку – чипсы.

– Здравствуйте, – прочистив горло, негромко произношу я, привлекая к себе внимание. – Вы – Геннадий?

Он поворачивает голову на звук, и его губы искажает неприятная ухмылка.

– Ух ты, какая киса! Неужто такая – и ко мне? – произносит скрипучим прокуренным голосом, вытирая руку после чипсов об простынь. После чего берёт лежащий рядом с ним на постели пульт и приглушает звук телевизора.

Мне совсем не нравится, каким взглядом он ощупывает мою фигуру. Становится противно.

– Я дочь того человека, который вас сбил, – преодолевая брезгливость, сообщаю я.

– Аха, вот что. Значит, дочка жлоба, который меня чуть не угробил.

– Мой отец не жлоб. Насколько я знаю, он оплатил вам лечение, достал дорогостоящие препараты, которых в больнице нет.

– И решил, что так легко отделается? – оскаливается Геннадий, обнажая неровные жёлтые зубы. – Нет, киса. Он всосался по полной. Или заплатит, или сядет, так и знай.

– Но послушайте, миллион – это ведь нереально большие деньги!

– Не смейся меня. Думаешь, я не знаю, кто твой папаша? Не переживай, добрые люди рассказали, поведали мне о нём. Бабки у него точно есть, и немало. Так что пусть раскошелится, от него не убудет.

– Но почему он должен платить, если вы сами под колёса выскочили?

– Что? Ты что несёшь, дура? – рывкает на меня Геннадий так громко, что я аж подпрыгиваю. – Я шёл себе спокойно, переходил дорогу, а твой папаша на меня налетел! Таких водил, как он, за руль пускать нельзя!

– Неправда. Мой отец аккуратный водитель, – дрожащим голосом возражаю я.

– Твой папаша меня чуть не угробил! И после этого ещё жлобится моральный ущерб оплатить? Свинья он, и место его за решёткой!

Кровь бросается мне в лицо. Пульс стучит в висках. Хочется развернуться и бежать из этой палаты как можно дальше, чтобы больше никогда не видеть и не слышать этого человека. Но я заставляю себя выдохнуть и собраться.

К сожалению, от этого человека зависит судьба моего отца.

– Давайте хотя бы обсудим сумму, – выдавливаю я из себя. – Миллион – это очень большие деньги, у нас их просто нет.

– Не заливай мне, киса. Знаю я, кто такой Пётр Мышкин. Несите давайте бабки. Не принесёте завтра – я попрошу два миллиона. Или три. И никуда вы не денетесь, один хрен придётся раскошелиться. Иначе папашу твоего посадят, к бабке не ходи. Так что тащи сюда лям, пока ещё я добрый.

Мне снова приходится совершить усилие над собой, чтобы суметь продолжить диалог.

– Как я могу быть уверена, что если заплачу вам, вы сдержите своё обещание? Вдруг вы всё равно захотите посадить папу? – интересуюсь я, пытаюсь выглядеть максимально спокойной, хотя внутри бушует ураган.

– Гена Попов – человек слова, киса, – скрипит своим отвратительным голосом он. Выглядыя при этом до тошноты довольным. Будто я уже вручила ему миллион. – Принесёшь бабки, я ментам скажу, что сам виноват. Что мне тупо жить надоело, решил руки на себя наложить. И претензий к твоему папаше не имею.

– Хорошо, – напряженно киваю я. – Но так быстро денег мне не найти. Нужно будет подождать какое-то время...

– Ты чё, меня за лоха держишь, киса? – грубо перебивает Геннадий. – Бабки я жду до завтра. Потом будет два миллиона. Поняла?

Прикрываю на секунду глаза и медленно выдыхаю. Внутри бурлит злость. Хочется броситься на этого Геннадия с кулаками и выцарапать ему глаза. И травмы его уже ни капли жалости во мне не вызывают.

Но я заставляю себя выдохнуть. Запереть свои эмоции на засов. И попросить:

– Пожалуйста...

– Ну раз ты так просишь, киса... Я могу и уступить тебе. Подожду чуток подольше. Только сделай мне что-то приятное. Ты такая свежая и аппетитная. Порадуй старика.

Не могу сдержаться, и моё лицо перекашивает от омерзения.

Разворачиваюсь и ухожу прочь.

Чувствую себя так, будто меня только что окунули в грязь по самую макушку.

Зато теперь я понимаю, почему отец даже не рассматривает возможность заплатить этому Попову. Он презирает подобных личностей. И лучше сядет в тюрьму, чем пойдёт на поводу у кого-то подобного. Для него это дело чести.

Теперь я почти уверена, что Гена Попов бросился под колёса папе не случайно. Да не почти, а уверена. Возможно, это заранее спланированная акция. Я слышала о таком. Но чёрт... Насколько же аморальной личностью нужно быть, чтобы творить подобное!

Или больным на всю голову... Ведь покалечился как. А мог и вообще умереть. И тогда бы папу точно посадили...

Меня бросает в холодный пот от этой мысли. А ведь угроза вполне реальна. Отца и правда могут посадить.

Он не вынесет такого унижения. Просто не переживёт.

Но и надеяться на то, что суд чудесным образом признает папу невиновным, глупо.

Хоть и противно это, и неправильно, но я не вижу иного выхода, как засунуть свою гордость подальше и заплатить Геннадию самой. А папа пусть думает, что у Попова внезапно проснулась совесть.

Других вариантов, которые не ударят по нашей семье, просто нет.

Осталось только придумать, где мне до завтра найти миллион.

10. Не сошла ли я с ума?

Единственный вариант, который приходит в голову – кредит.

Из больницы еду сразу в банк. Но там мне сообщают, что максимальная сумма, которую они готовы мне дать – это сто восемьдесят тысяч.

– Я ничего не понимаю, почему так мало? – раздражённо спрашиваю я.

– У вас отсутствует кредитная история, но зато есть нагрузка в виде кредитной карты, – любезно поясняет сотрудница банка, – исходя из этого, а так же из размера вашей заработной платы, большую сумму банк может предложить только под залог недвижимости.

– А причём тут кредитная карта, я же ещё не снимала с неё деньги?

– Это не имеет значения, наличие кредитной карты банк рассматривает как риск. Ведь вы в любой момент можете снять с неё все деньги.

– А если я её закрою?

– Для этого вам необходимо написать заявление, мы отправим его в головной офис, и через несколько дней можно будет попробовать повторно подать заявку на кредит. Но я не могу вам сказать, насколько увеличится в итоге сумма. Скорее всего, разница будет несущественная, – признаётся менеджер, глядя на меня сожалением и неловко поджимая губы.

– Хорошо, я поняла, спасибо, – потерянно отвечаю я.

Встаю из-за стола и отправляюсь на выход. Девушка ещё что-то говорит мне вдогонку, но я уже не слушаю её. Просто уйду.

Поравнявшись с отделом по обслуживанию юридических лиц, замираю на секунду. Накрывает воспоминанием, как мы столкнулись на этом самом месте с Сергеем.

И сердце тоскливо сжимается в груди. Даже сильнее, чем прежде.

Для Сергея, наверное, сумма в миллион – не проблема. Раз уж он покупает рестораны. И дорогие машины в качестве эксперимента.

Может, мне позвонить ему и попросить в долг?

А что, отличный предлог, чтобы еще раз увидеться... Ведь мне, чёрт, так хочется ещё раз с ним увидеться! Я, видимо, та ещё мазохистка...

В голове даже сами собой начинают придумываться фразы, которые я могла бы озвучить ему.

«Я бы никогда не обратилась к тебе, но у меня безвыходная ситуация»...

Или:

«Я буду очень благодарна, если ты мне поможешь»...

А вдруг он действительно возьмёт и поможет?

Тогда, наверное, я бы могла простить ему...

Столько лет прошло, вдруг он изменился? Вдруг сожалеет о том, что сделал, просто не в силах об этом сказать?

Если Сергей мне поможет, просто возьмёт и бескорыстно поможет, по-рыцарски, как настоящий мужчина, тогда... я ведь излечусь. Эта невыносимая обида на него наконец пройдёт. Перестанет отравлять мне жизнь. И я прощу его.

Безумная идея о звонке Серёже настолько завладевает моим рассудком, что даже беспокойство о проблемах отца отходит на второй план.

Покинув банк, дохожу до сквера и усаживаюсь на первую попавшуюся свободную лавочку. Достаяю из сумки телефон.

Номер Сергея я не сохраняла. Но он всё ещё висит в истории исходящих звонков. Я честно собиралась его оттуда удалить, но почему-то так до сих пор и не сделала этого.

И сейчас ничто не мешает мне взять и позвонить. Попросить помощи.

От задуманного трясёт. На улице стоит жара, у а меня зубы стучат, будто в лютый мороз.

А если он откажет? Если ответит, что таких денег у него нет, то что тогда? Понятия не имею. Наверное, будет очень стыдно и неловко.

Да и плевать. Я решила, что позвоню ему, и позвоню. А там будь что будет.

Не хочу гадать, взвешивать, анализировать, не хочу... передумать. Я чертовски не хочу передумать!

Боже... Что я творю? Не сошла ли я с ума?

Похоже, что сошла.

Подрагивающими пальцами отыскиваю тот самый номер в исходящих. Делаю глубокий вдох, собираясь с духом... И касаюсь пальцем экрана.

Подношу телефон к уху и слушаю длинные гудки.

Сердце молотит в груди, и все внутренности сжимаются, будто я несусь на американских горках с бешеной скоростью, и вот-вот будет тот самый обрыв...

– Алло, – раздаётся из трубки спокойный, знакомый до боли голос, и я замираю, не в силах выдать из себя ни звука.

Пuls стучит в висках, лицо горит, не могу дышать. Кажется, сейчас просто умру...

Может, бросить трубку?

В панике жму отбой.

Закрываю рукой глаза, истерично смеюсь.

Господи, ну что за дура?

Как можно столько лет продолжать любить того, кто тебя предал? Как можно до сих пор так неадекватно реагировать на него?

Зажатый в моей ладони телефон оживает и начинает вибрировать. На экране высвечивается тот самый неподписанный номер.

И сердце моё снова разгоняется до ста за одну секунду.

Ну конечно, я ведь не додумалась скрыть номер, прежде чем набрать. И теперь Сергей мне перезванивает.

Не брать трубку? Кинуть его в черный список?

Боже, как это глупо...

Я брежу, я просто брежу, других объяснений у меня нет.

– Алло, – всё же принимаю вызов. – Извините, я ошиблась номером.

– Ну да. Скажи ещё, что не знаешь, кого набрала, – раздаётся из трубки насмешливое.

Краснею до кончиков ушей. Почему-то мне и в голову не пришло, что Сергей мой номер все же сохранил.

– Я случайно, – вру я и морщусь, осознавая, насколько бредово это звучит.

– Ну хорошо, – отвечает он.

Думала, что сейчас бросит трубку, но нет. Вызов идёт, таймер отсчитывает секунды. Но мы оба упорно молчим.

– Вообще-то, не случайно, – в конце концов, признаюсь я. – Мне нужна помощь. И... получается так, что кроме тебя мне больше не к кому обратиться.

– Что случилось? – спрашивает он. По его голосу невозможно понять, какие эмоции вызвали мои слова. И вызвали ли вообще.

– Мы можем встретиться? – сглотнув, спрашиваю я.

– Где ты? Я подъеду, – всё тем же ровным тоном отвечает Сергей.

– Я в сквере неподалёку от банка, где мы в прошлый раз с тобой встретились.

– Понял. Буду через пятнадцать минут.

11. Проституткам столько не платят

Торопливо достаю из рюкзака зеркальце, чтобы убедиться, всё ли в порядке с лицом.

От волнения немеют пальцы рук.

Сердце не прекращает барабанить в груди, как сумасшедшее. А голову посещают мысли одна бредовее другой.

Может, выдумать какую-нибудь иную причину, по которой мне понадобилась его помощь? Или вообще... сбежать.

В самом деле, как я собралась просить у Сергея такие огромные деньги? Пусть даже в долг. Да у меня наглости не хватит произнести подобное вслух!

Чем я только думала, когда позвонила ему?

Хочется провалиться сквозь землю. Но я будто приросла к этой несчастной лавочке. Тело налилось свинцом, и кажется абсолютно невозможным даже просто подняться на ноги.

Черный спортивный автомобиль Сергея я увидела издалека. Точнее, сначала я его услышала. Этот утробный гул двигателя не спутаешь ни с чем.

Припарковавшись прямо у сквера, Сергей сразу выходит из машины и без труда отыскивает меня взглядом. Я всё-таки встаю. И начинаю несмело шагать ему навстречу. Остановившись в паре метров.

Сергей стоит напротив меня. Ощупывает мою фигуру таким взглядом, под которым я чувствую себя обнаженной. В это мгновение эмоции бывшего парня для меня не секрет. Они как на ладони. Красноречивы и однозначны. Мне становится жарко от них. И вместе с тем меня охватывает необъяснимым трепетом, пьянящим иррациональным восторгом – я всё ещё очень сильно нравлюсь ему.

– Привет, – произносит Сергей слегка охрипшим голосом, наконец, подняв глаза выше и встретившись с моим взглядом.

– Привет, – тихо отвечаю я. Мой голос тоже меня подводит.

– Классно выглядишь.

– Спасибо.

«Ты тоже» – очень хочется добавить, но я не решаюсь произнести такое вслух.

Сергей кивает на свою машину, потом делает шаг назад и открывает пассажирскую дверь, предлагая мне сесть внутрь.

И я, как под гипнозом, иду и сажусь.

Кажется, будто каждая вена, каждый сосуд в кровеносной системе моего организма горит. Я вновь позабыла о проблемах отца, из-за которых, собственно, и состоялась эта встреча.

– Есть хочешь? – спрашивает меня Сычев, усевшись за руль.

Отрицательно качаю головой, не в силах выдать из себя ни звука.

– Тогда выпьем кофе где-нибудь? – небрежно предлагает Сергей.

На этот раз киваю. И он тут же давит на газ, с дерзким рыком двигателя выезжая с парковки.

Сергей привозит меня в модную кофейню с открытой террасой. Мы располагаемся за одним из столиков под раскидистыми ветвями искусственных каштанов. Но цветы по всему периметру террасы высажены живые, настоящие. В воздухе витает их сладкий аромат, и вокруг царит невероятный уют.

Официант приносит нам кофе и оставляет наедине. А я никак не могу заставить себя поднять взгляд на Сергея, чувствуя при этом его пристальное внимание.

– Рассказывай, – негромко произносит он, наконец нарушив тишину, отчего по моему телу прокатывается дрожь.

Мне всё-таки приходится поднять глаза. И снова обжечься о тот огонь, что пылает во взгляде напротив. Этот огонь завораживает и одновременно пугает меня.

– У меня возникла одна... проблема, – начинаю я, нервно облизнув пересохшие губы. – Ты можешь одолжить мне денег?

– Сколько?

– Миллион.

Он ничего не отвечает. Только усмехается и отводит в сторону взгляд. Отчего по моему телу снова прокатывается горячая волна. Только на этот раз у неё другая природа. Это стыд. Как же отвратительно, должно быть, со стороны прозвучала моя просьба...

– Я обязательно тебе всё верну, – горячо обещаю я, отчаянно пытаюсь исправить ситуацию. – Просто деньги нужны мне до завтра... У меня есть квартира, я собираюсь её продать. Так быстро, как только смогу. И сразу же верну тебе долг. Клянусь!

– А что случилось-то? Зачем тебе такие деньги? – невозмутимо интересуется Сергей.

– Неважно. Это... Я не могу тебе сказать.

Он задумчиво кивает. Откидывается на спинку своего стула и снова смотрит в сторону, открывая мне обзор на свою ужасную татуировку.

Я, затаив дыхание, жду.

– Допустим, я могу перевести тебе эту сумму прямо сейчас, – в конце концов лениво произносит Сергей, указывая взглядом на свой навороченный смартфон, что лежит на столике рядом с двумя чашками кофе, к которым мы так и не притронулись. – Но что я получу взамен?

Сглатываю и отвожу взгляд. Чего-то подобного мне стоило от него ожидать. Где Сычев и где благородство. Я точно свихнулась, решив, что он может бескорыстно помочь мне.

– Чего ты хочешь? – прохладным тоном уточняю я, предполагая самый грязный исход нашего разговора. Но назад пути уже нет.

– А что ты можешь мне предложить?

– Я ведь сказала, что всё тебе верну, – твёрдо произношу я. – Сразу же, как только продам квартиру.

– Неинтересно.

– Верну с процентами!

– Зачем мне твои копейки? – усмехается он.

Сжимаю кулаки под столом. Становится обидно до слёз. Чёрт, мне ведь действительно нужны эти деньги... Но сейчас дело даже не в них. Теперь мне просто интересно узнать, как далеко он зайдёт в своём желании унижить меня.

– Говори прямо, чего ты хочешь? – резко спрашиваю я, пряча боль за агрессией.

Но его ответ оказывается еще ужаснее, чем я могла себе представить.

– Тебя. В рабство. На один месяц, – цинично заявляет Сычев. – И мы договорились.

– Ты что такое говоришь?! – срывает меня на крик. На нас начинают оборачиваться люди за другими столиками, но сейчас мне на это плевать. – Ты что, не мог просто отказать? Обязательно нужно было унижить меня?!

– А что здесь унижительного? – невозмутимо интересуется Сергей, доводя меня до истерики своим непрошибаемым равнодушием. – Тебе нужны деньги, я предлагаю сделку.

– Сделку?! Я тебе что, проститутка?! – шиплю я, мечтая залепить ему пощечину.

Жаль, что теперь я уже не такая смелая, как в юности. И вряд ли решусь на подобный шаг. Да и Сергей... не тот, что был раньше. Теперь я и вовсе не знаю, что можно от него ожидать.

– Проституткам, Таня, столько не платят, – насмешливо замечает он.

– Да какая разница, сколько платят, главное – платят! Ты всерьёз думаешь, что я буду спать с тобой за деньги?!

– А с чего ты вообще взяла, что я хочу с тобой спать? – холодно интересуется Сергей, в один миг вдруг растеряв всю насмешливость.

– Я не знаю, – осекаюсь я.

– По-твоему, у меня есть недостаток в сексе?

– А в чем у тебя есть недостаток? В домработнице? Я должна буду убирать твою квартиру или стирать тебе носки? Что входит в твоё понимание рабства?

– Ты должна будешь делать всё, что я скажу. Если скажу постирать носки – будешь стирать носки. Скажу убрать квартиру – будешь убирать квартиру.

– А если ты скажешь раздеться и лечь к тебе в постель?

– Принуждать тебя к сексу я не стану.

Я перестаю что-либо понимать. Голова трещит, силясь уловить какую-то логику в его словах и поступках. Что ему надо от меня, если это не секс? Неужели...

– Тогда зачем тебе это нужно? Хочешь поиздеваться надо мной?

Сергей наклоняется всем корпусом вперед, нависая над столиком, и впивается в меня ледяным взглядом:

– Поверь мне, Таня, хотел бы я поиздеваться над тобой, мне бы не пришлось тебе за это платить. Я предлагаю тебе простую и честную сделку. Ты либо соглашаешься на неё, либо мы с тобой расходимся... Как ты там говорила? В разные стороны.

12. Поздно

– Так ты так мстишь мне? – изумлённо спрашиваю я. – За то, что отказалась с тобой поужинать?

– Да нет, конечно, – усмехается Сергей, вновь откидываясь на спинку своего стула и принимая равнодушный вид.

– Но тогда зачем тебе это, не понимаю? – недоумеваю я.

– Тебе и не нужно понимать. У меня свой интерес. Не думай о нём, просто реши для себя, пойдёшь ты на это или нет.

– Тогда я хочу знать, что будет входить в мои обязанности рабыни.

Не верю, что всерьёз спрашиваю его об этом. Вообще весь наш разговор напоминает какой-то абсурд. Но я зачем-то продолжаю его, хотя, по идее, давно уже должна была встать и уйти.

Сергей склоняет голову на бок и начинает разглядывать меня так, будто прикидывает, что бы такого можно было со мной сделать. А у меня от этого мурашки бегут по коже. И сводит низ живота.

– Будешь жить в моём доме. И делать всё, что понадобится. Выполнять любые поручения двадцать четыре на семь. Но не бойся, ничего криминального я требовать от тебя не стану.

– И никакого интима между нами не будет?

Он улыбается одними уголками губ, но глаза при этом остаются холодными.

– Я уже сказал.

Судорожно вздыхаю и прижимаю ладони к вискам.

– Нет, всё равно это какой-то бред...

Сергей бросает взгляд на свои наручные часы. Затем достаёт из заднего кармана брюк тонкое портмоне, вынимает из него десятитысячную купюру и кладёт на стол. После чего поднимается на ноги.

– Ладно, у меня ещё дела. Поеду.

– Подожди, – нервно выпаливаю я, прикрыв на секунду веки.

Мне нигде больше не найти таких огромных денег за одни сутки. Как поступит Геннадий Попов, не получив желаемое, догадаться не трудно. Отец со своими принципами точно загремит за решётку. Что с ним станет там, страшно даже представить...

– Я согласна на твоё предложение.

Не верю, что сказала это вслух.

Но новоиспеченный рабовладелец удовлетворённо кивает, не оставляя сомнений в том, что я всё-таки сделала это. Затем берёт свой телефон, совершает с ним какие-то манипуляции, и вскоре брякает уведомлением уже мой сотовый.

Достаю его из рюкзака, смотрю на экран – там пуш от банковского приложения извещает о поступлении средств. Такой суммы на моём счету ещё не было.

Сергей огибает столик, не спеша приближаясь ко мне. Я поднимаюсь ему навстречу, и мы оба замираем друг напротив друга. Слишком близко.

Я чувствую терпкий аромат дорогого мужского парфюма, который пробирается под кожу, дурманя голову, отравляя кровь. Опьяняя. Вводя в состояние, подобное лёгкому трансу. Перед глазами крепкая шея Сычева, я вижу, как едва заметно дёрнулся на ней кадык. Могу рассмотреть каждый фрагмент зловещей татуировки сбоку.

Происходящее напоминает какой-то странный, нелогичный, но очень волнующий сон. Один из тех, что периодически мучили меня все эти годы, пока я пыталась вытравить из сердца свою первую и единственную любовь.

– Сколько тебе нужно времени, чтобы уладить свои дела? – доносится до моего слуха тихий вопрос.

– Думаю, сегодня до конца дня всё решу. – Слышу себя будто со стороны.

– Значит, завтра утром я пришлю за тобой машину. Ты там же будешь, куда я тебя прошлый раз подвозил?

Киваю.

– Ну тогда до встречи... – Сергей дотрагивается до моих волос, подцепляет прядку и медленно пропускает её меж пальцев. Отчего по моему телу прокатывается жар, и все волоски на задней поверхности шеи встают дыбом.

И в этот момент на меня вдруг обрушивается понимание – я только что совершила самый безумный поступок в своей жизни.

Сергей разворачивается и медленно уходит, а я продолжаю стоять на месте как вкопанная, дезориентированно глядя ему вслед. И лишь когда широкая мужская спина исчезает из поля зрения за пределами террасы, меня словно прошивает током – что же я наделала? Какое, к чёрту, рабство?!

Срываюсь за ним, прихватив со стула свой рюкзак, и бегу что есть сил, едва не ломая ноги на своих новых каблуках. Догоняю Сычева уже на парковке возле его машины.

– Подожди! Я передумала! Забери назад свои деньги!

Он оборачивается, и его густые брови выразительно ползут вверх.

Меня трясёт, судорожно тычу пальцем в датчик отпечатка пальца на своём телефоне, но никак не получается его разблокировать – руки вспотели.

– Как перевести тебе деньги обратно?

Сычев открывает дверцу пассажирского сидения в своей машине и кивком головы предлагает мне забраться внутрь:

– Садись.

– Нет. Я просто хочу вернуть твои деньги и всё!

– Сядь я сказал, – приказывает он металлическим тоном, от которого по коже прокатывается холод.

И весь мой пыл как рукой снимает. Я не могу послушаться.

Понятия не имея, зачем это делаю, я, притихшая, сажусь в его тачку.

Сергей захлопывает за мной дверь. И пока он обходит капот, чтобы занять водительское место, сижу неподвижно, нервно сжимая пальцами свой рюкзак.

Хлопает водительская дверь, отрезая нас от шума улицы. Похоже, внутри автомобиля отличная звукоизоляция. От напряженной тишины звенит в ушах.

Но тут у Сергея звонит телефон, позволяя мне ненадолго выдохнуть.

– Да, – зло отвечает он на звонок. – Я не приеду. Вот так, не приеду. Давайте сами там, без меня. Некогда. Я сказал, некогда мне сейчас, потом перезвоню, всё!..

Пока он разговаривает, мне, наконец, удается разблокировать экран своего телефона с помощью цифрового кода. Вбиваю номер Сычева в банковском приложении, к счастью, он оказывается закреплен за счетом в том же банке, что и у меня, и я торопливо делаю перевод. Обалдевая от суммы комиссии, нажимаю кнопку «отправить», потом «подтвердить». Всё. Готово. Теперь моя карта почти пуста. И ремонт мой накрылся медным тазом...

Господи, ну какой ремонт? Дура. Есть проблемы куда серьезнее. Я только что отказалась от шанса спасти своего отца! А это, похоже, был единственный шанс...

Шумно выпускаю воздух из лёгких и обессилено откидываюсь на спинку сиденья.

Какая же я отвратительная эгоистка. И что теперь будет с папой?...

Сергей заканчивает разговор и еще недолго изучает экран своего мобильного. После чего впивается в мой профиль нечитаемым взглядом.

– Ну и зачем ты это сделала?

– Я передумала. Не нужна мне твоя помощь. Сама как-нибудь справлюсь, без твоих денег.

– Поздно.

– Что? – поворачиваю я голову, не веря своим ушам. – Я перевела тебе всё обратно и больше ничего не должна!

На ощупь ищу ручку на двери, собираясь немедленно покинуть машину, но не успеваю.

В тишине салона раздаётся щелчок центрального замка, и когда я, наконец, дёргаю ручку, машина уже заперта.

– Открой дверь, – громко требую, храбрясь изо всех сил, но на самом деле у меня начинают трястись поджилки.

– Зачем тебе эти деньги? – спокойно спрашивает Сычев, будто не замечая моей паники.

– Выпусти меня из машины, я хочу уйти!

– Не поняла ещё? Ты никуда уже не уйдёшь. Давай не будем ссориться, Таня.

13. В нашей жизни ничего не бывает просто так

Смотрю на Сергея, широко распахнув глаза, чувствуя себя загнанной в угол.

Что-то есть такое в его взгляде, что заставляет меня вновь притихнуть, втянуть голову в плечи и даже не пытаться спорить. Я не могу объяснить, в чем именно дело, но впечатление жуткое, влияющее на меня на уровне инстинктов.

У него и раньше была довольно сильная энергетика, сметающая все преграды одним махом. А теперь я и вовсе не могу сделать вздох под этим тяжёлым взглядом.

Что значит это его «поздно»? Что значит – я никуда уже не уйду?

Неужели он считает, будто я теперь что-то обязана ему, даже несмотря на возврат денег? Не хочу в это верить.

– Зачем тебе эти деньги? – терпеливо повторяет Сергей свой вопрос, и снова на уровне инстинктов я чувствую – лучше ему сейчас ответить. Будто это наименее опасный вариант в моей ситуации.

– Один человек бросился под колёса моему отцу и теперь требует миллион, – сдержанно объясняю я.

– А почему ты об этом температуришь, а не твой отец? – с непониманием интересуется Сергей.

– Он слишком гордый. Считает, что это автоподстава, и не хочет платить мошеннику. Наверное, надеется, на справедливый суд. Но жена папы консультировалась с юристом, и тот сказал, что без записей с камер и свидетелей ничего доказать.

Сергей щурится, слегка склонив голову набок, и ещё пристальнее впирается в меня своим невыносимым взглядом.

– И ты, значит, решила сама заплатить вымогателю, за спиной отца?

– А что мне еще оставалось делать? Позволить папе сесть в тюрьму?

– Ты хоть понимаешь, что за люди занимаются автоподставами в нашем городе? И кто за ними стоит? Ты, красивая хрупкая девочка, решила пойти к ним сама? Одна? Просто так отдать бабки, ещё продать квартиру, да? У тебя мозги вообще есть, Таня?

От его слов, произнесённых таким холодным, почти презрительным тоном, вдруг становится очень стыдно. Я будто вмиг прозрела и увидела всю ошеломляющую глупость своего поступка. А от перспектив, которые могли меня ожидать после, становится жутко до тошноты.

– Я просто испугалась. Хотела спасти отца...

– Спасательница, блять, Малибу, – с усмешкой добивает меня Сычев.

Сглатываю и отворачиваюсь к окну. Стыд затапливает с головой, в груди печёт, даже уши горят огнём. Я действительно выгляжу сейчас последней идиоткой.

И почему до тех пор, пока Сергей не ткнул меня носом в очевидные вещи, я была настолько слепа? Будто и правда мозги поехали...

– Ладно, не переживай. Я разберусь с этим, – доносится из-за спины снисходительное.

Поворачиваюсь к Сергею, взволнованно вглядываясь в его невозмутимое лицо.

– Не хочу, чтобы из-за меня у тебя были проблемы.

– Я сам кому угодно могу создать проблемы, Таня, – слишком самоуверенно заявляет он.

Но почему-то у меня не возникает сомнений, что его слова – правда.

– И ты сможешь мне? Просто так? – с неверием смотрю я на него.

– Я что, похож на мать Терезу? В нашей жизни ничего не бывает просто так.

– И что ты хочешь взамен? Сделать меня своей рабыней? – похолодев, интересуюсь я.

– Ну ты же хочешь помочь своему отцу? Моё условие остаётся прежним. Ты месяц живёшь у меня. Назовём это услугой за услугу. Так тебя устроит?

Я растерянно хлопаю глазами, не понимая, как поступить. Конечно, я очень хочу помочь папе. Каким бы он ни был, я его безумно люблю. Но как можно согласиться на такое? Пойти в добровольное рабство к тому, кто причинил столько боли в прошлом. Позволить снова издеваться над собой. В голове не укладывается этот абсурд...

– Может, есть какие-то другие варианты, – тру я онемевшее лицо, чувствуя, как тону, но не желая отпустить соломинку.

– Варианты есть всегда, но этот для тебя самый безболезненный.

– Ты уверен? – со скепсисом усмехаюсь я.

– Да.

С минуту я молчу, отчаянно пытаюсь отыскать в своей голове какое угодно другое решение проблемы, но так и не нахожу...

– Хорошо. Я согласна, – отрывисто произношу я в конце концов, разглядывая свои руки, лежащие на коленях. – Надеюсь, ты сдержишь своё обещание и не будешь... – запинаясь в попытке подобрать подходящую фразу, да так и замолкаю, не сумев продолжить.

– Не буду что? – безжалостно интересуется Сычев. – Насиловать тебя?

Меня бросает в жар от его слов. Низ живота снова сводит до такой степени, что сбивается дыхание. С обидой смотрю в холодные глаза напротив и понимаю, что до насилия вряд ли дойдёт. Я ведь умру, даже если Сергей просто ко мне прикоснётся.

– Насиловать и издеваться, – выдавливаю из себя я, применяя над собой усилие, чтобы не отвести взгляд.

– Думаешь, я такое чудовище? – сузив глаза, спрашивает он.

– Не знаю, – честно отвечаю я.

– Ну, скоро узнаешь, – прохладно бросает Сергей, отворачиваясь к лобовому стеклу и заводя двигатель. – Куда тебя отвезти?

– Туда же, куда в прошлый раз.

Едем в тишине. Я смотрю в боковое окно, боясь повернуть голову. Будто если еще раз столкнусь взглядом с Сергеем, меня обожгут кипятком.

Всё ещё не верится, что скоро мне придётся жить с этим человеком под одной крышей. Выполнять какие-то его поручения. Разговаривать с ним. Находиться поблизости днём и ночью...

Но зато он поможет отцу. Надеюсь, моя жертва не будет напрасной. Надеюсь, я вообще выживу в этой аванюре... Как я выдержу целый месяц?

Машина тормозит у ворот дома отца. Я заставляю себя отлипнуть от бокового окна и повернуть голову вперед. Приклеиваюсь взглядом теперь к бардачку, всё ещё страшась встретиться глазами с Сычевым.

– Завтра утром к десяти будь готова, – даёт он указания своим равнодушным тоном. – За тобой заедет парень на черной «хонде», его зовут Рома. Много вещей с собой не бери, если что-то понадобится, купим. И не трясись, всё будет нормально.

Киваю, чувствуя, что становится немножечко легче.

– Тот мужчина, которого сбил отец, Геннадий Попов, лежит в третьей больнице. Он сказал, что если завтра денег не будет, то...

– Забудь о нём. Сегодня он исчезнет, и ни тебя, ни твоего отца никто больше не побеспокоит.

14. Предвкушение

Захожу в дом, словно оглушенная, после встречи с Сергеем. Меня встречает Анна.

– Ну что, поговорила? – взволнованно спрашивает она, понизив голос, чтобы никто не услышал.

– Я всё уладила, – так же тихо отвечаю я, – этот человек нас больше не побеспокоит. Только отцу ни слова.

Анна с облегчением вздыхает и прикладывает обе руки к груди.

– Танечка, спасибо! Как тебе удалось?

– Не спрашивайте, – отворачиваюсь я, принимаясь разуваться.

– Ты голодная? Пойдём на кухню, я твой любимый яблочный пирог испекла, – начинает суетиться она, но единственное, чего мне сейчас хочется – это закрыться в своей комнате и никого не видеть.

Поднимаю глаза на жену отца, и она мгновенно всё понимает без слов.

– Ладно, если что-нибудь понадобится, скажи, – растерянно произносит и сбегает на свою любимую кухню.

Но тут в прихожей появляются Арина и дети, начинают наперебой что-то спрашивать у меня, отчего в ушах нарастает звон. И пропорционально ему растёт раздражение.

– У меня ужасно болит голова, оставьте меня все в покое! – в итоге громко выкрикиваю я, и вокруг мгновенно воцаряется тишина.

Четыре пары глаз изумленно смотрят на меня так, будто увидели привидение.

Но мне сейчас абсолютно безразличны их эмоции. Быстрым шагом взлетаю по лестнице и вскоре плотно закрываю дверь гостевой спальни изнутри.

Падаю на постель лицом вниз и лежу, не в силах пошевелиться, ощущая во всём теле внутреннюю дрожь.

Завтра для меня начнётся серьёзное испытание. Которое продлится целый месяц. И я ужасно боюсь того, что меня ждёт. Но вместе с тем... испытываю трепетное предвкушение. Какая-то безумная часть меня радуется, что всё сложилось именно так. И от того, что эта часть во мне существует, я прихожу в ещё больший ужас.

Вскакиваю с кровати и, накрыв прохладными ладонями пылающие щеки, принимаюсь мерить шагами комнату.

Нет, такими темпами я и до завтра не доживу. Умру раньше от чудовищного волнения!

Подхожу к зеркалу, встроенному в платяной шкаф, и разглядываю себя. По-хорошему, надо бы подстричь волосы, придать им какую-то форму. Брови тоже не помешало бы облагородить...

Боже, да о чём я думаю!

Раздаётся стук в дверь, и в комнату осторожно заглядывает сестра:

– Тань, у тебя всё в порядке?

– Да, всё прекрасно, – резко отвечаю я.

– Ты чего такая злая? – Она так и стоит на пороге, не решаясь войти.

– Да не злая я, просто плохо себя чувствую. Арин, можно мне побыть одной?

– А кто тебя привёз? Я видела в окно.

– Знакомый.

– Ничего себе у тебя знакомые. Такая тачка... – настороженно произносит сестра.

– Арин, у меня правда болит голова...

Она будто не слышит, шагает в комнату и закрывает за собой дверь.

– Кто-нибудь в этом доме объяснит мне, что происходит? – нервно спрашивает она. – Сначала родители будто с катушек слетели, теперь ты! Что случилось? Что тебе сегодня мама на кухне сказала?

Я тяжело вздыхаю и без сил сажусь на кровать.

– Всё в порядке, Арина. Теперь уже всё в порядке.

– Да что в порядке-то? – всплескивает руками она.

– Я не могу тебе рассказать. Возникла одна проблема, но она уже решена. Теперь у вас всё будет хорошо.

Арина непонимающе смотрит на меня, хлопая ресницами.

– А у тебя?

– Что у меня?

– У тебя тоже всё будет хорошо?

– И у меня всё будет хорошо, – заверяю я её, хотя сама далеко не уверена в этом.

– Может, всё-таки расскажешь, Тань?

Отрицательно качаю головой.

Предприняв еще несколько неудачных попыток меня разговорить, Арина, наконец, уходит, оставив меня в покое.

И снова возвращается волнение, сводящее меня с ума.

Отправляюсь к детям, решив любой ценой отвлечься, чтобы не изводить себя мучительными домыслами о завтрашнем дне.

Несколько часов подряд мы рисуем, поём, играем в разные настольные игры в гостиной. Это даётся мне нелегко, но я изо всех сил изображаю спокойствие и безмятежность. А сама как на иголках.

Ближе к вечеру к нам присоединяется Анна с Ариной, а ещё через некоторое время спускается отец. И на первый взгляд кажется, будто он в хорошем расположении духа.

– Как у вас тут интересно, – приветливо произносит папа, обводя взглядом нашу компанию. – Во что играете?

– В «Монополию», пап, – весело отзывается Лизонька.

– Петя, – взволнованно впирается глазами в мужа Анна. – Как... дела?

– Всё хорошо, – добродушно отвечает он.

– Правда?

– Да, – кивает отец, смотря теперь только на свою жену. Одним из его самых ласковых взглядов. – Всё замечательно, Ань.

И я понимаю, что это значит. Сергей выполнил своё обещание.

Теперь я должна выполнить своё.

15. Может, сбежать?

Ночь проходит тяжело. Сплю я ожидаемо плохо. Ворочаюсь в постели, не находя ни одной удобной позы. Мне то жарко, то холодно. Без конца прокручиваю в голове всевозможные диалоги с Сергеем. Это сводит с ума.

Утро приносит небольшое облегчение. Одна попытка закончилась. Но впереди меня ждёт другая. Ещё более изощрённая.

С трудом соскребаю себя с кровати, иду в ванную, принимаю душ. Тру вехоткой кожу, пока та не становится красной. А затем беру с полочки Аринкин эпилятор и методично удаляю все лишние волоски на теле, зажмуриваясь периодически от боли.

Сергей обещал, что никакого интима между нами не будет. Точнее, он сказал, что не станет меня к нему принуждать... Отчего-то я Сычеву верю, хоть и знаю, что слово его не так уж дорого стоит. По крайней мере, если судить по нашему общему прошлому. Но сейчас он изменился. Стал совсем другим.

И все же я фанатично привожу своё тело в порядок. Для чего, спрашивается? На всякий случай? Чтобы не упасть в грязь лицом, если вдруг Сергей нарушит своё обещание? Вот дура. Собственная глупость неимоверно злит. Но я продолжаю упрямо водить эпилятором по коже до тех пор, пока она не становится идеально гладкой.

Волосы сушу феном, собираю в высокий хвост. Наношу дневной макияж Аринкиной косметикой. И надеваю новый брючный костюм, который мне безумно идёт. Под ним – новое бельё, которое я вчера предусмотрительно закинула в стиральную машинку.

Какая же я, черт возьми, идиотка.

К тому моменту, когда я спускаюсь на кухню, там уже царит суета. Анна приготовила на завтрак пышный омлет с зеленью и сыром. Но мне кусок в горло не лезет. Огромных трудов стоит изображать безмятежный вид.

Нервно поглядываю на часы – стрелки показывают уже половину десятого. Размышляю о том, как бы тихонько ускользнуть из-за стола, не привлекая к себе внимания.

Сумку я собрала ещё с вечера, предусмотрительно припрятав в прихожей, чтобы сегодня уйти без лишних вопросов. Сложила всё самое необходимое. К счастью, в доме отца всегда хранятся кое-какие мои вещи и гигиенические принадлежности на случай незапланированных ночёвок.

– Тань, ты так классно выглядишь сегодня! – внезапно заявляет Арина, вмиг разрушив все мои планы на незаметный отход. – Собралась куда-то?

– Да нет, с чего ты взяла, – бурчу я, отодвигая от себя тарелку, к которой так и не приотрунулась.

– Танечка, а ты чего совсем не ешь? Невкусно? – тут же обращает на меня внимание Анна.

– Дочь, тебе нужно лучше есть, ты похудела последнее время, – назидательно произносит отец, заставляя меня закатить глаза.

– Ой, я совсем забыла, сегодня же ко мне мастер придет кухню ставить, – импровизирую я на ходу, используя уже сработавшую один раз отговорку. – Мне пора бежать!

Чмокаю в щеку папу, треплю по волосам Лизоньку и поспешно ретируюсь с кухни.

К счастью, никто не отправился за мной провожать.

Быстро обуваю новые босоножки, хватаю припрятанную в шкафчике сумку с вещами и вылетаю на улицу, где несмотря на ранний час, стоит невыносимая духота.

Опасаясь, что кто-нибудь снова может увидеть в окно, как я сажусь в чужую машину, иду по дороге в сторону въезда в наш посёлок. Прячусь в тени высокого дуба неподалёку от нашего дома, прислонившись спиной к массивному стволу дерева.

Прикрываю глаза. Трясусь как осиновый лист на ветру. Чем дольше жду, тем сильнее нервничаю.

В голове возникает бредовая мысль – может, сбежать? Но интуиция подсказывает, что это очень глупая идея. Страшно представить, как Сергей мне потом отомстит за невыполнение условий сделки. А в том, что он обязательно отомстит, сомнений почему-то не возникает.

Потом начинаю надеяться на чудо – а вдруг он передумал? И никакой Рома за мной не приедет?

Но и эту надежду вскоре обрубаёт звук приближающегося автомобиля.

Открываю глаза и вглядываюсь вдаль. Так и есть, из-за поворота появляется чёрная «хонда».

Делаю дрожащей рукой знак водителю, и тот, быстро сообразив что к чему, тормозит ровно напротив меня. Затемненное стекло опускается вниз, и из окна высовывается смуглый темноволосый парень в белой футболке и чёрных очках.

– Привет, – дружелюбно здоровается он, смерив меня почти восторженным взглядом. Мне бы, наверное, это даже польстило, если бы я не находилась сейчас в полубморочном состоянии от сильного волнения. – Ты Настя?

– Таня, – растерянно хлопаю глазами я.

– Ой, прости, – досадливо морщится парень, после чего снова начинает дружелюбно улыбаться. – Таня, конечно. Я – Рома. От Сыча.

Сконфуженно киваю. Мне ужасно неловко.

Интересно, как часто этот парнишка возит девушек к Сергею домой? Уж точно не впервые. Немудрено тогда путать имена.

Рома выходит из машины, забирает у меня сумку с вещами, закидывает в багажник. После чего открывает мне дверцу заднего сидения.

В салоне работает кондиционер, и первое время в пути я расслабляюсь, наслаждаясь приятной прохладой. Но вскоре паника возвращается. И чем дольше мы едем, тем сильнее она становится.

Пересекаем весь город, и за окнами снова начинает мелькать лесополоса.

– Рома, а долго ещё нам ехать? – не выдержав, спрашиваю я.

– Нет, уже скоро будем на месте, – скромно улыбается мне в зеркало заднего вида водитель.

И действительно, не проходит и пары минут, как мы сворачиваем с трассы по направлению к огромному коттеджному посёлку. На первый взгляд он похож на тот, в котором находится дом отца, но когда мы подъезжаем ближе на внушительный охраняемый пропускной пункт, я понимаю, что здесь всё намного серьёзнее.

Территория посёлка буквально вылизана, внутри одни роскошные особняки, и я в который раз поражаюсь, какого успеха удалось добиться Серёже. Не знаю, как ему это удалось. Но меня снова на мгновение охватывает восхищение и чувство гордости за него.

Автоматические ворота одного из особняков отъезжают в сторону, и «хонда» вкатывается на его территорию. Припарковавшись напротив парадного входа, Рома выходит из машины и открывает мне дверь. Затем идёт к багажнику и забирает оттуда мою сумку.

– Идём, Настя.

– Я Таня.

– Блин, – снова морщится он, – прости!

– Ничего страшного.

На ватных ногах шагаю в дом вслед за своим провожатым. Вот-вот я увижу Сергея. Надеюсь, не грохнусь в обморок от переизбытка чувств.

Изнутри особняк выглядит не менее внушительно, чем снаружи. В нём шикарные окна от потолка в пол, много света и воздуха, стильная мебель в светло-серых тонах.

– Здесь гостиная, там кухня, там столовая, – указывает мне рукой Рома, проводя беглую экскурсию. – На втором этаже спальни, холл и терраса. Идём.

Он шустро поднимается по широкой лестнице, и мне ничего не остаётся, как последовать за ним.

Второй этаж мало чем отличается от первого, такой же роскошный. Мы пересекаем холл, через арку попадаем в просторный коридор, я озираюсь по сторонам.

– Это твоя комната, – поясняет Рома, толкнув одну из дверей. – Проходи, располагайся.

Неуверенно захожу внутрь, разглядывая превосходно обставленную спальню. И поистине царских размеров кровать.

Рома протягивает руку с моей сумкой и ставит её на столик у входа, при этом умудрившись не переступить порог.

– А где Сергей? – спрашиваю я, озвучивая терзающий меня больше всего вопрос.

– Он сейчас занят в городе, вернётся ближе к вечеру.

– Понятно, – бестолково киваю я.

Похоже, моя пытка ожиданием казни продолжается.

– Он просил передать тебе, чтобы ты приготовила для него ужин, – вдруг сообщает Рома.

– Что?

– Котлеты с картофельным пюре и салат из овощей. Продукты на кухне в холодильнике.

Но если там чего-то не хватает, позвони мне, я привезу. Запиши мой номер.

16. Если господин прикажет

Продиктовав мне свой номер, Рома куда-то поспешно уезжает, оставив меня в доме одну. Я некоторое время стою у окна, осмысливая произошедшее и приходя в себя.

Сергей, конечно, удивил своим поручением. Я всякого ожидала. Но что придётся готовить ему котлеты, мне бы и в голову не пришло.

Что ж, если он хочет, чтобы я отработывала долг в качестве повара, нисколько не возражаю. Готовить я умею и люблю.

От этих мыслей становится легче, удушливое волнение, наконец, отступает.

Решаю разобрать сумку. Развешиваю свои немногочисленные вещи на плечики в зеркальный шкаф, очень здорово устроенный в стенной нише. Переодеваюсь в спортивные бриджи и облегающий белый топ на широких лямках, которые обычно ношу в гостях у отца. Спускаюсь вниз на кухню.

Мне так странно находиться в этом огромном доме одной. Кухня, как и всё здесь, поражает воображение масштабами и роскошью.

Рабочее пространство оборудовано по последнему слову техники. По центру – огромный остров с барными стульями. Холодильник и шкафы до отказа набиты свежими, красиво упакованными продуктами. На некоторых из их присутствуют наклейки со штрих-кодами и названием известного супермаркета с самыми заоблачными ценами в нашем городе. Всё вокруг будто кричит о чрезмерном достатке владельца дома, и это вызывает у меня ощущение внутреннего дискомфорта. Чувствую себя какой-то бедной родственницей. Доселе незнакомое мне и очень неприятное чувство.

Без труда нахожу все необходимые ингредиенты для заказанных Сергеем блюд. А также посуду. Она идеально чистая, как новая. Ощущение, будто ею ещё ни разу никто не пользовался. Вполне возможно, что моя догадка верна.

Пока мне есть чем заняться, время летит быстро. Через два часа котлеты и пюре готовы. Оставляю их на столе остывать. Режу салат, аккуратно выкладываю овощи в глубокую стеклянную чашку, пока без заправки. Сверху затягиваю пищевой плёнкой и ставлю в холодильник.

Тщательно убираю за собой рабочую поверхность, мою посуду руками, игнорируя посудомоечную машину. Но как бы я ни медлила, неизбежно наступает момент, когда никаких дел больше не остаётся. А время только-только перешагнуло полдень. До вечера ещё далеко.

По-хорошему можно было бы пообедать. Но аппетита совершенно нет. Снова накатывает волнение, к тому же, пока готовила, я «напробовалась».

Чтобы не погрузиться снова в мучительное ожидание хозяина дома, решаю испечь пирожки с ягодами. Как раз убью ещё пару часов. А может быть, и все три.

В итоге, когда ближе к вечеру пирожки стоят в духовом шкафу, наполняя дом ароматом свежей выпечки, я уже валюсь с ног. Но уйти с кухни никак не решаюсь. Будто там, за её пределами, меня поджидает опасность. По десятому кругу натираю мраморную столешницу, когда за спиной вдруг раздаётся:

– Привет.

От неожиданности чуть не подпрыгиваю на месте, резко оборачиваюсь.

На пороге кухни стоит Сергей. Я даже не слышала, как он вошёл в дом!

– Пахнет охренительно, – заявляет Сычев, ведя носом по воздуху.

А я так и стою истуканом с тряпкой в руках, не зная, что сказать. Смотрю на него, чувствуя, как кровь приливает к лицу, как с каждым ударом всё больше разгоняется сердце.

Отмечаю, что у Сергея усталый вид, но несмотря на это, выглядит моя первая любовь, как всегда, потрясающе. И даже вульгарная татуировка на его шее больше не режет глаз. Наверное, я к ней привыкла.

– Ну что ты застыла? Иди хоть обними, – усмехается он, раскрывая руки, словно и вправду ждёт от меня объятий.

– Очень смешно, – произношу я без тени улыбки.

– Да ладно, расслабься, я тебя не покусую, – небрежно отвечает Сергей. Снимает с запястья часы, вместе с телефоном оставляет их на столешнице, после чего проходит к островку и усаживается на барный стул.

– Руки мыл? – интересуюсь я, отправляясь к холодильнику, чтобы достать приготовленные сегодня блюда.

– Да, дорогая.

Кошусь на него, недоумеваю от подобных перемен. Дорогая? Какая я ему дорогая? Или так, в его понимании, обращаются к рабыням?

Сергей подпёр щеку кулаком и задумчиво наблюдает за мной, пока я накрываю на стол.

– А себе? – указывает он взглядом на сотейник в моих руках.

– Разве рабы едят с господами за одним столом? – не удерживаюсь я от сарказма.

Его губы трогает лёгкая ухмылка:

– Если господин прикажет.

– Что ж... Как будет угодно, – натянута улыбаюсь я.

Накрываю на двоих. Когда всё готово, сажусь напротив Сергея на такой же высокий стул.

– Приятного аппетита, – произносит он, пробираясь под кожу своим острым взглядом.

– Спасибо. И тебе.

Сергей смотрит ещё примерно с минуту, после чего приступает к еде, позволив мне, наконец-то, начать дышать. Только вот трапезничать вместе с ним за одним столом оказывается совершенно невозможным. Мне кусок в горло не лезет от эмоций. Но я заставляю себя открывать рот, заталкивая туда по небольшому кусочку.

Зато у Сычева с аппетитом всё в порядке. Он сметает свою порцию за считанные минуты, с большим наслаждением.

– М-м-м, ох*енно, – выносит вердикт, отодвигая от себя пустую тарелку.

– Обычные котлеты, – скромно отвечаю я.

– Нет, не обычные.

– Неужели в твоём ресторане готовят хуже?

– В моём ресторане, Таня, котлеты вообще не готовят.

– Так в чём проблема, сказал бы шеф-повару, чтобы внёс в меню, – поднимаю я на него глаза.

– Это всё равно было бы не то.

Пищит духовка. Я спрыгиваю со стула, радуясь, что появился повод прервать этот разговор. Не понимаю, что за игру со мной затеял Сычев. Ни за что не поверю, будто с его достатком невозможно раздобыть домашнюю еду в нашем городе.

Перекладываю горячую выпечку на блюдо, убираю со стола грязную посуду. Сергей поднимается со своего места и начинает мне помогать.

– Не стоит беспокоиться, господин, я сама всё уберу, – язвлю я.

Подхожу к рабочей зоне, неосмотрительно поворачиваясь к нему спиной. Ставлю тарелки в посудомоечную машину, закрываю её и вдруг чувствую, как сзади вплотную ко мне подходит мой рабовладелец. Пытаюсь уйти в сторону, но на столешницу по обе стороны от меня опускаются его руки, заключая в кольцо.

Моё сердце разгоняется до предела за считанные секунды. Чувствую затылком теплое дыхание. И горячее мужское тело очень близко к моей спине.

– Ты чё такая дерзкая, а, рабыня? – раздаётся у самого уха вкрадчивое.

По коже сбегает толпы мурашек.

– Отпусти, – сдавленно прошу я, забывая, как дышать. – Ты обещал.

Проходит еще несколько невыносимо долгих секунд, во время которых я медленно схожу с ума.

Но потом Сергей всё-таки убирает руки и отступает. И я тут же разворачиваюсь к нему лицом, обхватывая себя руками в защитном жесте.

Меня едва не трясёт, а он кажется спокойным, как удав. И по его взгляду снова невозможно ничего прочесть.

– Сделай мне массаж, – произносит таким тоном, будто не просит ни о чём особенном.

– Что? – опешив, распахиваю я глаза.

– Массаж, – с нажимом повторяет он, – хочу.

17. Какая же я дура

– Я не... Я не умею, – ошарашенно произношу я, всей душой надеясь, что он пошутил.
– Как сможешь, так и сделаешь, – снисходительно отвечает Сергей, разрушая мои хрупкие надежды. – Идём наверх.

Не дожидаясь моего согласия, он разворачивается и уходит с кухни. Мне ничего не остаётся, кроме как последовать за ним. На ватных ногах.

Не представляю, как буду прикасаться к нему. Это для меня слишком. Я просто умру!

Сергей доходит до спален, открывает одну из них и движением головы предлагает мне войти.

Я послушно ступаю под его пронизывающим взглядом. Чувствуя, как тело бьёт мелкая дрожь.

Эта спальня отличается от той, которую предоставили мне. Здесь преобладают мужские тёмные тона, на стене висит огромный тонкий телевизор с вогнутым экраном. Тяжёлые шторы в пол наполовину задвинуты, из-за чего в комнате царит лёгкий полумрак.

Сергей входит в помещение вслед за мной и плотно закрывает за собой дверь. Пространство тут же заполняется его энергетикой. Которая обволакивает меня, заставляя испытывать всё более противоречивые эмоции.

– Пожалуйста, не забывай о своём обещании, – прошу я, и мой голос звучит предательски хрипло.

– Откуда столько недоверия, – усмехается он, расстегивая свою рубашку.

Я, как загипнотизированная, слежу за его руками. Которые оголяют идеальный торс.

Покончив с пуговицами, Сергей стягивает с себя ткань, бросает её на комод, оставаясь полуобнажённым.

Под его смуглой кожей прочерчены мышцы. Теперь я вижу его татуировку целиком – она плавно спускается с шеи на грудь. Огромная чёрная змея с разинутой пастью. Как напоминание о скользкой натуре её хозяина.

Во рту откуда-то собирается слишком много слюны, и я сглатываю. Что не ускользает от внимания Сергея. Он пристально следит за моей реакцией. И она нравится ему.

Его взгляд обжигает. Моё тело становится тяжёлым под ним.

Сергей расстегивает ремень на брюках, брякнув металлической пряжкой.

– Зачем это? – напрягаюсь я. – Я не буду делать тебе массаж ниже спины.

Сычёрв молча вытягивает ремень из петлиц и, сложив пополам, бросает на свою кровать.

– А это понадобится, если моя рабыня не будет слушаться, – без намёка на шутку произносит он, неотрывно глядя мне в глаза.

Мой организм слишком красноречиво реагирует на его слова. Внизу живота собирается тяжесть, пальцы ног непроизвольно поджимаются, как и мои внутренние мышцы.

Обхватив себя руками, отворачиваюсь в сторону, истерично усмехаясь и до боли закусывая изнутри губу.

Господи, какая же я дура! Ничему меня жизнь не научила. Как я могла ему поверить, что никакого интима между нами не будет?

– Извини, но я не готова играть с тобой в такие игры, – отрывисто произношу я, не глядя на него, и шагаю к двери, собираясь немедленно уйти из комнаты.

Берусь за ручку и тяну на себя, но дверь неожиданно резко захлопывается, едва приоткрывшись.

Поворачиваюсь и натываюсь на злой взгляд.

Сергей делает шаг вплотную, вынуждая меня прижаться спиной к закрытой двери.

Чувствую, как до бешеного темпа ускоряется мой пульс. Вся дрожу от переизбытка эмоций. Мне плохо, больно, и вместе с тем... ненормальное удовольствие от его близости терзает каждую клеточку тела.

Он наклоняется ко мне медленно, не спеша. На грани прикосновения, но не задевает. Я прикрываю глаза и слышу его учащённое дыхание. Это сводит с ума.

Его рука ложится на мою талию. Обжигая внезапным прикосновением. Горячим и сильным. Я вздрагиваю. И в этот самый миг его губы касаются моей шеи.

Меня пронзает током от этой ласки. Становится невыносимо. Невыносимо сладко и больно. Сердце разрывается в груди на куски.

Не так я представляла себе нашу встречу. Не так всё происходило между нами в моих фантазиях. Которые мучили, издевались, лезли в голову без спроса с завидным постоянством. Все прошедшие семь лет.

– Не надо, – шепчу я тихо.

Но он лишь сильнее сжимает руку на талии и впивается в шею, прикусывая до боли.

– Я соскучился... – Его голос такой же хриплый, как у меня.

– Пожалуйста, не надо, – всхлипываю я. – Ты обещал!

Сергей медленно выдыхает. Убирает ладонь с талии и ставит её на дверь возле моей головы.

Оставил в покое шею, но не отдалился ни на миллиметр. Продолжая беречь всё моё естество этой невыносимой близостью.

– Что я тебе обещал, напосми? – спрашивает он тихо, но с потаенной злобой в голосе.

– Что не станешь принуждать, – шепчу я, прикрыв веки.

– Разве ты забыла, что мне нельзя верить?

– Нет... – изумлённо распахиваю я глаза. – Ты не сделаешь этого. Пожалуйста.

– Я настолько тебе противен?

– Нет. Дело не в этом. Да неужели ты не понимаешь! Я не могу так!

Горло сковывает спазмом от подступивших слез.

Черт, ну почему я люблю его до сих пор? Это какое-то проклятье! Даже когда он, воспользовавшись моей проблемой, хочет унижить. Использовать и выбросить в мусорное ведро. Я продолжаю его любить...

– Давай, я помогу, – низким голосом произносит Сергей, накрывая ладонью мой затылок и сжимая пальцы на основании черепа. Тем самым фиксируя голову до состояния неподвижности.

Сердце снова срывается в галоп до такой степени, что становится больно под рёбрами.

Не могу открыть глаза, эмоции шкалят. Чувствую на губах его горячее дыхание, ни с чем не сравнимый запах кожи, тот самый, сводящий меня с ума. Разрывающий душу в клочья.

А потом чувствую поцелуй. Жадный, горячий, неистовый, взрывающий сердце.

И задыхаюсь. Забываю, как дышать. В глазах темнеет, комната кружится, ноги становятся мягкими, как кисель.

18. А массаж?

Я умираю. От ласки его прикосновений. От губ, жадно скользящих по моей шее. От тесной близости, от плена рук, от горячего дыхания, что оставляет ожоги на моей коже.

В теле всё сильнее нарастает дрожь.

Сергей давно не держит меня за голову, вместо этого его руки нагло путешествуют по моему телу, сжимая до боли поочередно то ягодицы, то грудь.

А его язык хозяйничает у меня во рту.

Я не отвечаю на поцелуй, даже если захотела бы – не смогла. Потому что Сычев слишком настойчив. Его не интересует мой ответ. Ему на это плевать. Он просто берёт то, что хочет, не задумываясь о моих чувствах. Не давая возможности перевести дыхание, сказать ему хотя бы слово. Да что там слово – все мысли в моей голове разбегаются в разные стороны, не позволяя сконцентрироваться на чем-то важном. словно меня подхватило цунами и несёт навстречу верной смерти, но всё, что я сейчас могу, – это чувствовать, как от скорости захватывает дух.

А потом я вдруг взлетаю в воздух, подхваченная под ягодицы сильными мужскими руками, и вскоре после этого падаю спиной на кровать.

Сверху меня пригвозждает вес мощного тела. И будто опомнившись, только сейчас я начинаю сопротивляться.

– Прекрати... Не надо... Я не хочу! – всхлипываю, изо всех сил пытаюсь оттолкнуть Сергея, выбраться из-под его тяжёлого тела, но это равносильно попыткам сдвинуть с места гранитную скалу.

Но в конце концов Сычев всё же поддаётся. Отстраняется и пьяным взглядом смотрит мне в глаза.

– Что за паника, Таня? – Его губы трогают насмешливая ухмылка. – Снова мне будешь лечить, что ты девственница?

Не сразу понимаю, о чем он. Но когда доходит, легкие обжигает волной гневной обиды.

Я действительно была девственницей, когда у нас случился первый раз. Но из-за отсутствия крови Сергей не поверил мне.

Коротко замахиваюсь и бью его по лицу. Не отдавая себе отчета в том, зачем это делаю и какие могут быть последствия. Просто он снова причинил мне боль, и я хочу ответить ему тем же, самым надёжным и быстрым способом.

Но расплата приходит мгновенно. Мои запястья тут же перехватывают и прижимают к постели над моей головой.

– Отпусти меня сейчас же, – цежу я, с ненавистью глядя в глаза своего мучителя. – Я тебя не хочу, неужели не ясно?!

Он смотрит на меня в ответ с не меньшей злостью. Кажется, будто сейчас тоже ударит. Но вместо этого свободная рука Сергея смыкается на моей шее и слегка сжимает, что приводит меня в не меньший ужас. Вдруг возьмет и задушит? Ведь раньше Сычев часто вёл себя неадекватно, как самый настоящий псих.

– Не хочешь меня, значит... – вкрадчиво произносит он, уничтожая взглядом. – А кого же ты тогда хочешь? Расскажи мне, дорогая.

– Не твоё дело, – хриплю я, впиваясь пальцами в жесткую ладонь, тщетно пытаюсь освободить свою шею от удушья.

– Ладно.

Сергей резко разжимает обе руки, выпуская мою шею и запястья на свободу. Встаёт сначала на колени, потом перешагивает через меня и падает спиной на постель.

Я по инерции сначала хватаюсь за шею и судорожно втягиваю ртом воздух несколько раз подряд. Сразу после чего подрываюсь, собираясь как можно скорее покинуть это место, но меня хватают за руку и рывком возвращают обратно.

– Куда? А массаж? – флегматично интересуется Сергей.

Я шокировано опускаюсь на колени рядом с ним. Он выглядит абсолютно расслабленным и спокойным, будто и не душил меня минуту назад. Смотрит равнодушно из-под опущенных век. Но крепко держит за запястье, поглаживая большим пальцем венку, по которой измеряют пульс.

– Ты издеваешься? – нервно дергаюсь я, едва обретя дар речи. – Какой массаж? У меня от тебя руки трясутся!

– Нет, – невозмутимо отвечает Сергей. Как ни в чём не бывало, он переворачивается на живот и подкладывает обе руки себе под голову. – Обычный массаж. Начни с шеи.

Мое сердце оглушительно бьётся. Кажется, он затеял какую-то изошренную игру, правил которой я не знаю. Но как же меня это бесит!

– Давай смелее, я жду, – лениво напоминает он.

Ненависть к нему захлёстывает с головой. Плотно сжимаю зубы. Остро хочется встать и уйти. Послать наглеца к чертям с его массажем и рабством.

Но я слишком труслива для этого. Что-то подсказывает – если поступлю так, потом сильно пожалею.

Подползаю ближе, становясь коленями вплотную к боку Сергея. И осторожно, словно меня может ударить током, опускаю ладони на его широкие плечи. Чувствуя, как напряжены твёрдые мышцы под кожей.

Легонько глажу их, начинаю мягко массировать и слышу, как Сергей шумно выдыхает.

Веду пальцами вверх, обрисовывая контуры зловещей татуировки. Кожа Сергея гладкая и горячая... Мне нравится прикасаться к ней, как бы сильно я ни противилась этому.

Вдруг осознаю, как ужасно ноет... у меня между ног. И вся кожа на теле стала гиперчувствительной.

Хочется захныкать в голос от такого острого возбуждения.

Сжимаю сильнее бёдра, чтобы хоть немного унять эти непрошенные ощущения.

– Сядь на меня сверху, – хрипло требует Сычев, – так тебе будет удобнее.

– Спасибо, но и мне и так... нормально, – сиплю отвечаю я.

– Это приказ, рабыня.

Удивительно, но его слова даже не вызывают во мне протеста. Или гнева.

Седлаю сверху его поясницу, радуясь, что ткань моих бриджей достаточно плотная. А иначе Сергей бы точно почувствовал, насколько вымокло под ними моё бельё.

Близость его сильного тела, интимный контакт с его кожей дурманят голову. Вожу с нажимом ладонями по шее, плечам, лопаткам, разминая каменные мышцы, очерчивая каждую косточку позвоночника. Непроизвольнодвигаюсь на мужской спине, и это лёгкое трение промежностью о его кожу сводит меня с ума.

До невозможности хочется прикоснуться к себе и поласкать немного, совсем чуть-чуть надавить пальчиками, чтобы прекратить эту невыносимую пытку. Но я ни за что на свете не сделаю этого, лучше умру от перевозбуждения, но не покажу чёртову рабовладельцу свою слабость перед ним.

Изо всех сил пытаюсь сконцентрироваться на массаже. Глубоко дышу, старательно продолжая разминать мышцы Сергея, которые никак не хотят расслабляться.

Сычёв зачем-то выпрямляет руку и вдруг обхватывает ладонью меня за щиколотку, отчего низ моего живота простреливает горячим спазмом. Таз заполняется горячей лавой, напряжение между ног возрастает в разы, и я невольно выгибаю спину, закусив до боли губу, чтобы не застонать в голос.

Замираю на месте, боясь пошевелиться, кажется – одно неловкое движение, и у меня случится оргазм!

– Мышь... – произносит низко и тягуче Сергей.

Болезненный укол в сердце.

Мышь. Так он меня ласково называл когда-то... Куда же ушли те времена?

– Хватит, – заканчивает фразу Сергей, его голос становится жёстким и прохладным. –

Уходи.

19. Есть ли предел у боли?

На негнущихся ногах возвращаюсь в отведенную мне комнату. Раздавленная. Дезориентированная.

Меня словно растерзали изнутри. Вынули сердце, пропустили через мясорубку, а фарш сложили обратно.

Запираю дверь – к счастью, на ней имеется замок. И без сил опускаюсь на исполинских размеров кровать.

Тело ломает от неудовлетворённости после сильного возбуждения, мне физически плохо. Но это ерунда по сравнению с тем, что творится внутри.

Так вот зачем я понадобилась ему в его доме... Чтобы поиграть. Развлечься. Ведь это так весело – вынимать из меня душу, проезжаться танком по старым ранам. И это после всего, что между нами было... Один раз он уже уничтожил меня, неужели ему показалось этого мало?...

Я никогда не прощу ему таких игр. Даже его предательство в юности кажется намного менее жестоким, чем всё это!

Боже...

Есть ли предел у боли? Сколько Сычев ещё мне её причинит?

Как же я вынесу эту пытку целый месяц...

А что будет потом? Когда Сергей наиграется?

Вышвырнет меня? Может, снова продаст? Или найдёт иной способ поиздеваться?

Господи, я ведь не соберу себя потом по частям...

Нет. Я не выдержу. Не собираюсь потакать его извращенным капризам. Хочу уйти отсюда немедленно. В конце концов, я не обязана всё это терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.